

**ТАДЖИКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗОДА**

На правах рукописи

САРАХОНЗОДА МУХАММАДРАСУЛ САРАХОН

**«ГУЛИСТАН» СААДИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕЦЕПЦИИ XVII ВЕКА
(на примере литературоведческого анализа перевода Адама Олеариуса)**

**Специальность: 5.9.2 - Литература народов мира
(персидская литература, таджикская литература)
(филологические науки)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

ДУШАНБЕ - 2026

Работа выполнена на кафедре теории и истории литературы Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзода

Научный консультант: Косимзода Солех Салим - доктор филологических наук, доцент начальник управления подготовки научных кадров Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: Салихов Шамсидин Аслидинович - доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы Таджикского педагогического университета имени Садриддина Айни

Саиджафаров Озод Шовалиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой таджикского языка и литературы Дангаринского государственного университета

Рахманов Бахтиёр Рузикулович – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета

Ведущая организация: Кулябский государственный университет имени Абуабдуллох Рудаки

Защита состоится 02.09 2026 г. в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д 73.1.015.02, в Институте гуманитарных наук им. академика Б.Искандарова НАНТ, 736001, г. Душанбе, ул. У.Холдорова, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганди Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на сайте Института гуманитарных наук им. академика Б.Искандарова НАНТ <https://www.ign.tj>

Автореферат разослан “___” _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Некушоева Ш.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена европейской рецепции «Гулистана» Саади в XVII веке. В центре исследования находится немецкий перевод Адама Олеариуса «Persianischer Rosenthal», опубликованный в 1654 году. Данный перевод рассматривается не только как факт истории востоковедения или переводческой практики, но и как самостоятельное явление европейского литературного процесса раннего Нового времени.

«Гулистан» Саади, созданный в XIII веке, занимает особое место в классической персидской литературе. В произведении соединяются проза и поэзия, притча и афоризм, нравственное наставление и художественная образность. Благодаря этой жанровой и смысловой сложности «Гулистан» оказался открытым для восприятия в разных культурных средах и на протяжении веков сохранял значение одного из наиболее авторитетных памятников персидской словесности¹.

В XVII веке интерес европейских интеллектуальных кругов к восточной литературе усиливается на фоне расширения дипломатических, торговых и культурных контактов с Востоком. Восточная словесность постепенно начинает восприниматься не только как источник сведений об иной культуре, но и как самостоятельная традиция, обладающая собственными нравственными, философскими и художественными основаниями. В этом контексте обращение к «Гулистану» Саади было связано с его этической универсальностью, афористичностью и способностью вступать в смысловой диалог с европейской культурой раннего Нового времени².

Особое значение в этом процессе имел перевод Адама Олеариуса. Участие Олеариуса в дипломатической миссии герцога Гольштейнского в Персию в 1635–1639 годах позволило ему воспринимать персидскую культуру не отвлечённо, а через личный опыт знакомства с её социальной, религиозной и литературной средой³. Его перевод «Гулистана» стал не простой передачей содержания оригинала, а формой литературной интерпретации, в которой текст Саади был соотнесён с жанровыми, риторическими и нравственно-дидактическими нормами немецкой барочной словесности⁴.

В диссертации перевод Олеариуса анализируется как форма адаптации персидского классического текста в европейской литературной среде XVII века. Основное внимание уделяется тому, как в немецкой версии передаются притчевая структура, афористичность, художественная образность, дидактическая направленность и суфийские мотивы «Гулистана». Такой подход позволяет рассмотреть перевод как пространство взаимодействия двух литературных традиций: персидской классической словесности и немецкой барочной прозы.

Актуальность темы определяется тем, что европейская рецепция «Гулистана» Саади в XVII веке изучена неравномерно. В научной литературе перевод Олеариуса чаще рассматривается в общем контексте истории ориентализма, раннего европейского востоковедения или переводческой практики. Однако его функционирование как литературного текста, связанного с жанровыми и стилистическими нормами немецкой барочной литературы, до настоящего времени не получило достаточного системного освещения⁵. Именно этот аспект позволяет уточнить, каким образом восточный афористический текст был воспринят, переработан и включён в европейский литературный процесс.

Немецкий перевод «Гулистана» представляет собой важный пример раннего межкультурного литературного посредничества. С одной стороны, в нём сохраняются отдельные элементы персидской притчевой и афористической традиции; с другой стороны,

¹ Саади. Гулистан / пер. с перс. Я. Л. Блока. М.: Наука, 1970. 312 с.

² Асад М. Восток и Запад: переосмысление диалога культур. СПб.: Летний сад, 2008.

³ Olearius A. Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise. Schleswig, 1656.

⁴ Richter P. Adam Olearius und seine Zeit. Studien zum frühneuzeitlichen Kulturtransfer. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 364 S.

⁵ Said E. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

текст адаптируется к ожиданиям европейского читателя XVII века, для которого были значимы риторическая упорядоченность, нравоучительность и связь художественного слова с религиозно-этической проблематикой. В этом отношении перевод Олеариуса позволяет проследить не только историю восприятия Саади в Европе, но и более широкий механизм включения восточной классики в европейскую литературную культуру⁶.

Таким образом, обращение к «Гулистану» Саади в переводе Адама Олеариуса позволяет выявить конкретные формы литературной трансформации восточного текста в немецкой культуре XVII века. Исследование показывает, как перевод становится не вспомогательным средством передачи оригинала, а самостоятельной формой интерпретации, в которой меняются жанровые акценты, стилистические решения и способы представления нравственно-философского содержания произведения⁷.

Объектом исследования является европейская рецепция «Гулистана» Саади в литературной культуре XVII века.

Предмет исследования составляет немецкий перевод «Гулистана», выполненный Адамом Олеариусом, рассматриваемый как литературный текст, включённый в систему жанровых, стилевых и дидактических норм немецкой барочной словесности. В предмет исследования входят также способы интерпретации и адаптации персидского оригинала в европейской литературной традиции.

Материал исследования представлен несколькими группами источников. Первую группу составляет персидский оригинал «Гулистана» Саади Ширази в критических и научно выверенных изданиях. Обращение к оригиналу позволяет определить жанровую природу произведения, его поэтическую структуру, афористическую организацию и систему художественных образов.

Вторую группу образует немецкий перевод Адама Олеариуса «*Persianischer Rosenthal*» 1654 года⁸. Анализируется не только основной текст перевода, но и его сопроводительные элементы: предисловие, переводческие замечания, авторские пояснения, сопоставления и интерпретационные вставки. Эти материалы позволяют выявить, как Олеариус понимал природу восточной словесности и каким образом переносил образную, дидактическую и притчевую структуру «Гулистана» в риторическую среду немецкого барокко.

Третью группу составляют ранние европейские версии «Гулистана», важные для понимания рецептивного горизонта XVII века: латинское издание Георга Гентиуса 1651 года⁹ и французский перевод Андре дю Рье 1634 года¹⁰. Их привлечение позволяет уточнить, какие переводческие и интерпретационные модели уже существовали в Европе до или рядом с работой Олеариуса и в какой мере они могли повлиять на немецкую версию «Гулистана».

Четвёртую группу образуют тексты немецкой барочной литературы: риторические трактаты, нравоучительная проза, сборники эмблем и произведения, связанные с традицией раннего протестантского дидактизма. Эти источники рассматриваются как литературная и культурная среда, в которой перевод Олеариуса был воспринят и в соответствии с которой формировались его жанровые, этические и стилистические особенности.

Пятую группу составляют материалы раннего европейского востоковедения XVII века, включая труды, посвящённые Персии, её литературной традиции, религиозно-

---

⁶ Миклушевская Н. А. Персидская литература в восприятии Европы XVII века // Восток. 2010. № 6. С. 45–52.

⁷ Losensky P. *Welcoming Fighānī: Imitation and Poetic Individuality in the Safavid-Mughal Ghazal*. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1998. 280 p.

⁸ Olearius, A. *Persianischer Rosenthal: oder der Persischen Rosengartens Sinnbilder und Historien* / A. Olearius. Schleswig: Johann Holwein, 1654. 196 S.

⁹ Gentius, G. *Musladini Sadi Rosarium politicum, sive amoenissimus flosculorum hortus* / G. Gentius. Amstelodami: Apud Joannem Blaeu, 1651. [24], 556 p.

¹⁰ Sa' dī. *Gulistan, ou l'Empire des roses* / Sa' dī; trad. par A. du Ryer. Paris: Chez Anthoine de Sommaville, 1634. 166 p.

философским представлениям и культурному быту. Эти источники помогают определить, какие сведения о персидской культуре были доступны европейскому читателю и самому переводчику, а также каким образом эти представления влияли на интерпретацию «Гулистана» в немецкой литературной среде.

Степень научной разработанности темы определяется несколькими направлениями исследований: историей европейского востоковедения, изучением рецепции таджикско-персидской классической литературы, теорией художественного перевода и анализом образа Востока в европейской культуре. В отечественной и зарубежной науке уже сложилась значительная исследовательская база, позволяющая рассматривать перевод восточных текстов не только как филологическую работу с оригиналом, но и как форму включения иной литературной традиции в культурный и эстетический опыт Европы раннего Нового времени.

Теоретическую основу для такого подхода составляют труды по сравнительному литературоведению, рецептивной эстетике и межкультурной коммуникации. В работах А. Дима¹¹, Х. Р. Яусса¹² и В. Изера¹³ разработаны подходы к изучению восприятия художественного текста в иной культурной среде и показано, что смысл произведения меняется в зависимости от исторического горизонта читателя и принимающей традиции. Вопросы взаимодействия литератур Востока и Запада, а также типологические сходства и различия между ними рассматриваются в трудах В. М. Жирмунского¹⁴, Н. И. Конрада¹⁵ и П. А. Гринцера¹⁶. Эти исследования важны для настоящей работы, поскольку позволяют рассматривать перевод «Гулистана» не изолированно, а в широком контексте межлитературных связей.

Отдельное значение имеют исследования, посвящённые творчеству Саади и самому «Гулистану». В трудах И. С. Брагинского¹⁷, Э. Г. Брауна¹⁸, А. Дж. Арберри¹⁹, Р. Матти²⁰ и А. Шиммеля²¹ раскрываются историко-литературный контекст творчества Саади, поэтика классической персидской словесности, этико-дидактическая природа «Гулистана» и его место в восточной литературной традиции. В работах И. С. Брагинского «Гулистан» рассматривается в связи с развитием дидактической прозы и афористической поэзии, а исследования Э. Г. Брауна дают широкий исторический фон эволюции персидской литературы от Фирдоуси до Саади. А. Дж. Арберри обращается к эстетическим принципам

---

¹¹ Дима, А. Принципы сравнительного литературоведения / А. Дима. – Москва: Прогресс, 1977. – 229 с.

¹² Яусс, Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Х. Р. Яусс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

¹³ Изер, В. Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер // Современная литературная теория: антология / сост., пер. и примеч. И. П. Ильина. – Москва: Флинта, Наука, 2004. – С. 201–225.

¹⁴ Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В. М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, 1979. – 493 с.

¹⁵ Конрад, Н. И. Запад и Восток: Статьи / Н. И. Конрад. – Москва: Наука, 1972. – 496 с.

¹⁶ Гринцер, П. А. Основные категории классической индийской поэтики / П. А. Гринцер. – Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. – 268 с.

¹⁷ Брагинский, И. С. Иранское литературное наследие / И. С. Брагинский. – Москва: Наука, 1984. – 296 с.

¹⁸ Browne, E. G. A Literary History of Persia. Vol. 1. – London: T. Fisher Unwin, 1902. – 521 p.; Vol. 2. – London: T. Fisher Unwin, 1906. – 531 p.; Vol. 3. – London: T. Fisher Unwin, 1920. – 614 p.; Vol. 4. – Cambridge: Cambridge University Press, 1924. – 480 p.

¹⁹ Arberry, A. J. Classical Persian Literature / A. J. Arberry. – London: Allen & Unwin, 1958. – 325 p.; Arberry, A. J. The Gulistān of Sa' dī / A. J. Arberry. – London: George Allen & Unwin, 1967. – 445 p.

²⁰ Matthee, R. Administrative Structure and State Revenues in the Safavid Period / R. Matthee // Encyclopaedia Iranica. – 1994. – Vol. 1, Fasc. 6. – P. 605; Matthee, R. Persia in Crisis: Safavid Decline and the Fall of Isfahan / R. Matthee. – London: I. B. Tauris, 2012. – 448 p.; Matthee, R. The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730 / R. Matthee. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 335 p.; Matthee, R. The Pursuits of Pleasure: Drugs and Stimulants in Iranian History, 1500–1900 / R. Matthee. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 368 p.

²¹ Schimmel, A. Mystical Dimensions of Islam. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975. – 506 p.; Schimmel, A. A Two-Colored Brocade: The Imagery of Persian Poetry / A. Schimmel. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992. – 399 p.

классической персидской литературы, А. Шimmel анализирует символические и поэтические особенности персидской традиции, а работы Р. Матти помогают уточнить историко-культурную среду, в которой формировалось европейское представление о Персии.

Проблемы европейского восприятия Востока и формирования ориенталистского дискурса освещаются в трудах Э. Саида²², М. Л. Пратта²³, Б. Левиса²⁴ и Дж. Клиффорда²⁵. Эти авторы показывают, что образ Востока в европейской культуре складывался не только через политические и научные описания, но и через переводы, литературные переработки, путешествия и формы культурного посредничества. Для настоящего исследования этот круг работ важен тем, что позволяет рассматривать перевод Олеариуса как часть более широкого процесса формирования европейских представлений о восточной словесности.

Теоретические вопросы перевода и межкультурной передачи смысла рассматриваются в трудах Ф. Шлейермахера²⁶, Дж. Стейнера²⁷, Л. Венути²⁸ и П. Рикёра²⁹. В этих работах перевод понимается не как механическая замена одного языка другим, а как сложный процесс интерпретации, зависящий от норм эпохи, культурных ожиданий читателя и позиции переводчика. Такой подход особенно важен при анализе перевода Олеариуса, поскольку немецкая версия «Гулистана» отражает не только содержание персидского оригинала, но и литературные, религиозно-этические и риторические установки немецкой культуры XVII века. Исследования П. Бёрка³⁰ помогают рассмотреть перевод в системе передачи знаний в Европе раннего Нового времени, а труды Л. Броклисса³¹ уточняют интеллектуальный и нравственный контекст этой эпохи.

Немецкая литература барокко и её связи с иными культурными традициями изучены в ряде специальных работ. Существенное значение имеет трёхтомный труд Г. Дюннхаупта «*Bibliographisches Handbuch der Barockliteratur*», систематизирующий корпус немецкой литературы XVII века³². В работе М. Зыроцкого «*Die deutsche Literatur des Barock: Eine Einführung*» раскрываются жанровая структура, поэтика и основные художественные принципы немецкого барокко³³. Историческая динамика немецкой барочной словесности рассматривается также в трудах В. Кайзера³⁴. Эти исследования позволяют определить литературную среду, в которую был включён перевод Олеариуса, и точнее понять, почему «Гулистан» в немецкой версии приобретает выраженную нравоучительную, риторически организованную и дидактическую форму.

Существующая научная литература создаёт прочную основу для изучения «Гулистана» Саади, истории востоковедения, сравнительного литературоведения,

²² Саид, Э. В. Ориентализм / Э. В. Саид. – Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. – 637 с..

²³ Pratt, M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation* / M. L. Pratt. – London; New York: Routledge, 1992. – 257 p

²⁴ Lewis, B. *The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror* / B. Lewis. – New York: Modern Library, 2003. – 272 p.; Lewis, B. *What Went Wrong? Western Impact and Middle Eastern Response* / B. Lewis. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 176 p.

²⁵ Clifford, J. *The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art* / J. Clifford. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. – 381 p.

²⁶ Schleiermacher, F. *Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens*. – Berlin, 1813. – 46 S.

²⁷ Steiner, G. *After Babel: Aspects of Language and Translation*. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 538 p.

²⁸ Venuti, L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. – 2nd ed. / L. Venuti. – London; New York: Routledge, 2008. – 319 p.

²⁹ Ricœur, P. *Sur la traduction* / P. Ricœur. – Paris: Bayard, 2004. – 64 p.

³⁰ Burke, P. *What Is the History of Knowledge?* / P. Burke. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 192 p.

³¹ Brockliss, L. *The European Universities in the Age of the Enlightenment* / L. Brockliss. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 768 p.

³² Dünnhaupt, G. *Personalbibliographien zu den Drucken des Barock* / G. Dünnhaupt. – Stuttgart: Hiersemann, 1990–1993. – 6 Bde.

³³ Szyrocki, M. *Die deutsche Literatur des Barock* / M. Szyrocki. – Stuttgart: Reclam, 1979. – 312 S.

³⁴ Kayser, W. *Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft* / W. Kayser. – Bern: A. Francke, 1957. – 448 S.

переводоведения и европейской рецепции восточной словесности. Вместе с тем перевод «Гулистана», выполненный Адамом Олеариусом, до сих пор недостаточно рассмотрен именно как литературный текст немецкого барокко. В большинстве работ ранние переводы восточных произведений анализируются в контексте истории ориентализма, переводческой практики или общего интереса Европы к Востоку. Между тем жанровая организация, стилистические решения, способы передачи афористичности, дидактики и образной системы Саади в немецкой версии требуют отдельного литературоведческого анализа. Этим определяется научная необходимость настоящего исследования.

Традиция изучения «Гулистана» в русском и советском востоковедении представлена трудами И. Н. Холмогорова³⁵, А. Е. Крымского³⁶, Е. Э. Бертельса³⁷, И. С. Брагинского³⁸, Р. М. Алиева³⁹, Ю. А. Сорокина⁴⁰ и М. А. Гаффарова⁴¹. Эти исследования заложили основу филологического, историко-литературного, текстологического и переводоведческого изучения произведения Саади. В них «Гулистан» рассматривается как один из ключевых памятников персидско-таджикской классической словесности, значимый для понимания дидактической прозы, афористической традиции и истории переводов восточной литературы.

Вклад таджикской академической школы отражён в работах Б. Арабзода⁴², Б. Р. Рахманова⁴³, М. Сарахонзода⁴⁴ и Ш. Р. Ходжамуродовой⁴⁵. В этих исследованиях творчество Саади и история восприятия «Гулистана» рассматриваются в культурно-историческом, этико-философском и переводоведческом аспектах. Данный круг работ важен для настоящей диссертации, поскольку позволяет связать анализ перевода Олеариуса с более широкой традицией изучения Саади в таджикской, русской и европейской гуманитарной науке.

Для исследования также значимы работы, посвящённые образу «Другого» и способам его представления в европейской культуре. В этом аспекте используются труды

---

³⁵ Холмогоров, И. Н. О переводе «Гулистана» Саади на европейские языки // Записки Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1882. – Т. 42, кн. 2. – С. 1–48; Холмогоров, И. Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы / И. Холмогоров. – Казань: Университетская типография, 1867. – 184 с.

³⁶ Крымский, А. Ю. История Персии, её литературы и дервишской теософии / А. Ю. Крымский. – Москва: Издательство АН СССР, 1964. – 480 с.

³⁷ Бертельс, Е. Э. История персидско-таджикской литературы / Е. Э. Бертельс. – Москва: Издательство восточная литература, 1960. – 556 с.

³⁸ Брагинский, И. С. Из истории персидской и таджикской литературы / И. С. Брагинский. – Москва: Наука, 1972. – 524 с.; Брагинский, И. С. Иранское литературное наследие / И. С. Брагинский. – Москва: Наука, 1984. – 296 с.

³⁹ Алиев, Р. М. Введение / Р. М. Алиев // Саади. Гулистан: критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959. – С. 5–34.

⁴⁰ Сорокин, Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психолингвистические аспекты / Ю. А. Сорокин. – Москва: Гнозис, 2003. – 160 с.

⁴¹ Гаффаров, М. А. Образчики персидской письменности с X века до нашего времени: в 2 т. / М. А. Гаффаров. – Москва, 1906–1916. – Т. I–II.

⁴² Арабзода, Б. Этические взгляды Саади / Б. Арабзода; Академия наук Таджикской ССР, Институт философии. – Душанбе: Дониш, 1968. – 129 с.

⁴³ Рахманов, Б. Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века / Б. Р. Рахманов. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 314 с.

⁴⁴ Сарахонзода, М. Лингвокультурологические особенности перевода Адама Олеариуса / М. Сарахонзода // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе. – 2025. – № 3. – С. 139–156.

⁴⁵ Ходжамуродова, Ш. Р. Особенности изучения и переводы «Гулистан»-а Саади в Китае: дис. ... канд. филол. наук / Ходжамуродова Ш. Р. – Душанбе, 2020. – 178 с.

Н. И. Кульпиной⁴⁶, А. В. Лепехова⁴⁷, Г. С. Раджабовой⁴⁸, Н. А. Поляковой⁴⁹ и В. М. Жирмунского⁵⁰, а также концепции Э. Саида⁵¹, Т. Асада⁵² и Л. Вульффа⁵³. Эти исследования позволяют рассматривать европейское восприятие Востока не как единый и неизменный взгляд, а как исторически формировавшуюся систему культурных представлений. В таком контексте перевод Олеариуса выступает не только как передача персидского текста на немецкий язык, но и как форма литературной адаптации, интерпретации и культурного посредничества.

В совокупности указанные труды формируют историографическую и методологическую основу диссертации. Вместе с тем именно литературное функционирование перевода Олеариуса в системе немецкой барочной словесности остаётся недостаточно изученным. Поэтому в настоящей работе данный перевод рассматривается как репрезентативный пример того, как восточный классический текст включался в европейскую литературную культуру XVII века и преобразовывался под воздействием её жанровых, стилистических и нравственно-дидактических норм.

Цель исследования заключается в выявлении, систематизации и литературоведческом анализе механизмов художественной интерпретации философско-нравственного и дидактического содержания «Гулистана» Саади в европейской литературной традиции XVII века на материале немецкого перевода, выполненного Адамом Олеариусом, а также в определении роли данного перевода в трансформации жанровых и эстетических установок немецкой барочной словесности и в формировании ранних форм европейского восприятия персидской литературы.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих **задач**:

- определить историко-культурные и литературные предпосылки европейской рецепции восточной словесности в XVII веке и охарактеризовать условия формирования интереса к персидской литературе в данный период;
- систематизировать способы семантической и синтаксической адаптации афористической структуры «Гулистана» в немецком переводе Адама Олеариуса;
- выявить характер жанровых преобразований текста в переводе и соотнести их с поэтикой и эстетическими нормами барочного повествования;
- проанализировать особенности художественной интерпретации философско-нравственного содержания произведения в контексте протестантской этики и неостической традиции XVII века;
- исследовать стилистические приёмы перевода, направленные на сохранение метафорической насыщенности и образной целостности персидского оригинала;
- оценить значение перевода Олеариуса для становления ориенталистских тенденций в немецкой литературе XVII–XVIII веков и для развития форм межкультурного литературного взаимодействия.

---

⁴⁶ Кульпина, Н. И. Восток и Запад: проблемы межкультурной коммуникации / Н. И. Кульпина, В. А. Татаринов. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 256 с.

⁴⁷ Лепехов, А. В. Восток и Запад в литературном диалоге / А. В. Лепехов. – Москва: Наука, 2018. – 240 с.

⁴⁸ Раджабова, Г. С. Перевод как вид межкультурной коммуникации / Г. С. Раджабова, Х. М. Магомедова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 15. – С. 36–40.

⁴⁹ Полякова, Н. А. Интерпретация художественного текста / Н. А. Полякова. – Москва: Академический проект, 2009. – 256 с.

⁵⁰ Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В. М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, 1979. – 493 с.

⁵¹ Саид, Э. В. Ориентализм / Э. В. Саид. – Санкт-Петербург: Русский Мирь, 2006. – 637 с.

⁵² Асад, Т. Идея антропологии ислама / Т. Асад; пер. с англ. М. Розановой // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 3 (31). – С. 53–76.

⁵³ Wolff, L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment / L. Wolff. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 419 p.

Научная новизна исследования состоит в том, что немецкий перевод «Гулистана» Саади, выполненный Адамом Олеариусом в XVII веке, рассматривается не только как факт истории востоковедения и перевода, но и как самостоятельное явление немецкого литературного процесса эпохи барокко. В диссертации впервые в системном виде анализируется, каким образом персидский классический текст был включён в жанровую, стилистическую и нравственно-дидактическую систему немецкой словесности XVII века.

В работе выявлены основные формы литературной трансформации «Гулистана» в переводе Олеариуса: изменение жанровых акцентов, усиление дидактического начала, риторическая упорядоченность повествования, адаптация афористической структуры, переосмысление образной системы и смещение отдельных суфийских мотивов в сторону морально-нравственной интерпретации. Это позволяет рассматривать перевод Олеариуса не как буквальную передачу персидского оригинала, а как форму литературной адаптации, в которой восточный текст получает новое функционирование в европейской культурной среде.

В отличие от исследований, где перевод Олеариуса чаще рассматривается в общем контексте европейского ориентализма, истории востоковедения или переводческой практики, в данной диссертации основное внимание уделяется его литературной природе. Перевод анализируется как текст, связанный с поэтикой немецкого барокко, традицией нравоучительной прозы, риторической культурой XVII века и формированием ранних европейских представлений о персидской словесности. Такой подход позволяет уточнить не только историю восприятия Саади в Европе, но и сам механизм включения восточной классики в европейский литературный процесс.

Методы исследования определяются задачами диссертации и характером анализируемого материала. Рецептивный анализ используется для выявления того, как «Гулистан» был воспринят и переосмыслен в европейской культуре XVII века. Сравнительно-типологический метод позволяет сопоставить особенности персидского оригинала с немецкой версией Олеариуса и определить основные направления жанровой, стилистической и смысловой трансформации текста. Текстологический анализ применяется при обращении к оригиналу, переводу Олеариуса, а также к ранним европейским версиям «Гулистана». Стилистический анализ помогает раскрыть способы передачи афористичности, образности, притчевой структуры и дидактической направленности произведения. Имагологический подход используется для рассмотрения того, как через перевод формируется образ Востока в немецкой литературной культуре XVII века.

Методологическую основу диссертации составляют принципы сравнительно-исторического и сравнительно-типологического литературоведения, рецептивной эстетики, имагологии, текстологического и стилистического анализа. Их сочетание позволяет рассматривать перевод не только как результат языкового переноса, но и как литературный акт, в котором взаимодействуют оригинальный текст, переводческая стратегия, нормы принимающей культуры и ожидания европейского читателя раннего Нового времени.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о европейской рецепции персидской классической литературы в XVII веке. В работе показано, что художественный перевод в этот период выступал не только средством знакомства с восточным текстом, но и механизмом его литературной переработки. Диссертация расширяет представление о роли перевода в формировании связей между персидско-таджикской классической словесностью и немецкой барочной литературой, а также уточняет место перевода Олеариуса в истории раннего европейского восприятия «Гулистана».

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в курсах по сравнительному литературоведению, истории зарубежной литературы, истории персидско-таджикской классической литературы,

переводоведению и межкультурной коммуникации. Материалы диссертации могут быть также использованы при разработке специальных курсов, посвящённых творчеству Саади, европейской рецепции восточной литературы, немецкому барокко и истории художественного перевода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проведённый анализ позволяет утверждать, что перевод «Гулистана», выполненный Адамом Олеариусом, представляет собой результат литературной интерпретации персидского афористического текста, в ходе которой исходное произведение подвергается жанровым, стилистическим и композиционным изменениям, обусловленным поэтикой и эстетическими нормами немецкой барочной литературы XVII века.
2. Представляется возможным заключить, что этико-философские и суфийские элементы «Гулистана» в немецком переводе Олеариуса интерпретируются в соответствии с морально-нравственными установками протестантской культуры XVII века, вследствие чего происходит смещение смысловых акцентов: мистико-символическое содержание оригинала отходит на второй план, уступая место дидактико-нравственной трактовке текста.
3. Анализ жанрово-стилистических особенностей перевода показывает, что в немецкой версии «Гулистана» формируется особая организация текста, в которой элементы восточной дидактической традиции соотносятся с риторическими и композиционными приёмами, характерными для барочного повествования в немецкой литературе раннего Нового времени.
4. Установлено, что перевод «Гулистана», созданного Саади в XIII веке и выполненный Олеариусом в XVII веке, стал одним из значимых факторов европейской рецепции персидской классической литературы, особенно в немецкоязычной культурной среде. Его влияние выразилось в формировании устойчивых представлений о восточной словесности, характерных для раннего этапа ориенталистской традиции.
5. Немецкая версия «Гулистана», как показывает исследование, функционирует в литературном пространстве XVII века в качестве текста межкультурного взаимодействия, в котором осуществляется адаптация художественных, этических и мировоззренческих компонентов персидского оригинала к системе эстетических ожиданий европейского читателя раннего Нового времени.

Апробация результатов исследования проходила в форме докладов автора на республиканских и международных конференциях, симпозиумах и научных семинарах. Основные положения диссертации опубликованы в научных изданиях, в том числе в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Результаты исследования отражены в 25 научных работах, включая 16 статей в журналах, входящих в перечень ВАК РФ.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, раздела «Перспективы дальнейших исследований» и списка использованной литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Европейская рецепция “Гулистана” Саади в XVII веке: социокультурный и историко-литературный контекст» рассматриваются исторические и литературные условия, в которых классическое наследие Саади Ширази стало частью европейского интеллектуального пространства XVII века. В главе показано, что интерес Европы к Востоку в этот период был связан не только с дипломатическими и торговыми контактами, но и с поиском новых нравственных, философских и художественных ориентиров.

Методологическую опору анализа составляют концепции культурного трансфера и «связанной истории» П. Бёрка⁵⁴ и С. Субраманьяма⁵⁵, а также теория семиосферы Ю. М. Лотмана⁵⁶. Эти подходы позволяют рассматривать рецепцию «Гулистана» не как простое знакомство Европы с восточным текстом, а как процесс его включения в другую литературную и культурную систему.

В разделе 1.1. «Интерес европейской культуры XVII века к Востоку: исторические, политические и культурные предпосылки» раскрываются факторы, которые усилили внимание Европы к Персии и её литературной традиции. В работе показано, что интерес к сефевидскому Ирану в эпоху шаха Аббаса I был связан с политической ситуацией раннего Нового времени, прежде всего с поиском стратегического противовеса Османской империи. Расширение дипломатических и торговых связей, в том числе через английскую и голландскую Ост-Индские компании, создало условия для более устойчивого обмена сведениями о Персии и её культуре.

Отдельное внимание уделяется литературе путешествий, которая стала одним из главных источников европейских представлений о Востоке. В этом контексте рассматриваются труды П. делла Валле⁵⁷, Ж. Шардена⁵⁸ и Ж.-Б. Тавернье⁵⁹. На их фоне особое значение приобретает деятельность Адама Олеариуса, чьи описания Персии и переводческая работа способствовали формированию раннего научного интереса к персидской культуре. В диссертации подчёркивается, что Олеариус воспринимал Восток не только как предмет описания, но и как культурную традицию, требующую объяснения и литературной интерпретации.

К концу XVII века накопленные сведения о Персии начинают переходить в устойчивые художественные и литературные образы. Персидская культура всё чаще воспринимается в Европе как пространство высокой словесности, нравственной мысли и поэтической образности. В этом процессе «Гулистан» Саади занял особое место благодаря соединению притчевой формы, афористичности, дидактики и суфийско-философского содержания.

В главе обосновано, что рецепция «Гулистана» в XVII веке вышла за пределы узкого филологического интереса. Через переводы, путешественные описания, дипломатические свидетельства и художественные тексты Европа постепенно вырабатывала более сложное представление о Персии и восточной словесности. Включение «Гулистана» в европейский литературный оборот соотносилось с риторико-поэтическими установками немецкой культуры XVII века, в том числе с эстетическими принципами М. Опица⁶⁰ и А. Грифиуса⁶¹.

⁵⁴ Burke, P. *What Is the History of Knowledge?* / P. Burke. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 192 p.

⁵⁵ Subrahmanyam, S. *From Tagus to the Ganges: Explorations in Connected History.* – New Delhi: Oxford University Press, 2012. – 364 p.

⁵⁶ Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 703 с.

⁵⁷ Della Valle, P. *Viaggi di Pietro della Valle, il pellegrino* / P. Della Valle. – Roma: Vitale Mascardi, 1650–1663. – 4 vols.

⁵⁸ Chardin, J. *Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l’Orient* / J. Chardin. – Amsterdam: J. L. de Lorme, 1711. – 3 vols.

⁵⁹ Tavernier, J.-B. *Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier en Turquie, en Perse, et aux Indes* / J.-B. Tavernier. – Paris: Gervais Clouzier, 1676. – 2 vol.

⁶⁰ Opitz, M. *Buch von der deutschen Poeterey* / M. Opitz. – Stuttgart: Reclam, 2002. – 192 S. Orig. ed.: 1624.

⁶¹ Gryphius, A. *Werke in einem Band* / A. Gryphius. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1967. – 620 S.

Таким образом, в первом разделе данной главы установлено, что европейская рецепция «Гулистана» Саади формировалась на пересечении политических, культурных, литературных и переводческих факторов. Перевод восточного текста в XVII веке выступал не только средством передачи содержания, но и способом включения персидской этической и художественной традиции в европейское нравственное и эстетическое сознание.

В разделе 1.2. «Роль переводов в знакомстве европейцев с персидской литературой: обзор ранних переводов “Гулистана” Саади» перевод рассматривается как основная форма вхождения персидского текста в европейскую культуру. В работе показано, что в XVII веке перевод был не только способом передачи содержания, но и средством отбора, объяснения и переоформления восточного текста для новой читательской среды. Через заглавия, предисловия, комментарии и переводческие пояснения формировался особый режим восприятия «Гулистана»: произведение Саади представлялось европейскому читателю не как экзотический памятник, а как книга нравственной мудрости, близкая к жанрам максим, сентенций и наставлений.

Французская линия рецепции рассматривается на материале перевода Андре дю Рье 1634 года⁶². В диссертации показано, что дю Рье адаптировал «Гулистан» к ожиданиям придворно-салонной и моралистической культуры. При такой передаче усиливалась доступность текста, однако часть формальных признаков восточной поэтики, прежде всего саж и ритмическая организация, ослаблялась. Поэтому французская версия сыграла важную роль в первичном знакомстве Европы с Саади, но одновременно подчинила его текст нормам европейской моралистической прозы.

Иной тип рецепции представлен латинским переводом Георга Гентиуса 1651 года⁶³. Латинский язык как язык европейской учёной среды позволил ввести «Гулистан» в академический оборот. В отличие от французской адаптации, перевод Гентиуса в большей степени ориентирован на сохранение смысловой структуры произведения и на представление Саади как автора, значимого не только для восточной, но и для общеевропейской интеллектуальной традиции. В этом контексте используется понятие *incorporation* Дж. Стайнера, позволяющее показать, как принимающая культура усваивает чужой текст через собственный способ чтения⁶⁴.

Особое место занимает немецкая рецепция «Гулистана», связанная с переводом Адама Олеариуса «*Persianischer Rosenthal*» 1654 года⁶⁵. В диссертации подчёркивается, что эта версия стала первым значительным опытом перенесения классической персидской словесности в немецкую литературную среду. Олеариус работал в условиях, когда в немецкой культуре ещё не была выработана устойчивая традиция философско-этической прозы, сопоставимая с французской или латинской. Поэтому его перевод стал поиском равновесия между доступностью текста для немецкого читателя и сохранением его восточной художественной природы. Немецкая версия «Гулистана» соотносится с барочной культурой, опытом Тридцатилетней войны, эстетикой *Vanitas* и протестантской нравственно-дидактической традицией.

В разделе также прослеживается дальнейшее развитие европейской рецепции Саади в англоязычной среде. Английская традиция рассматривается как движение от просветительской адаптации С. Салливана⁶⁶, закрепившей образ Саади как «восточного Эзопа», к более прагматическим переводам Ф. Глэдвина и Дж. Росса, связанным с

---

⁶² Du Ryer, A. *Gulistan, ou l'Empire des roses, contenant les maximes et les exemples moraux de Saadi* / André du Ryer. – Paris: Antoine de Sommerville, 1634. – 166 p.

⁶³ Gentius, G. *Musladini Sadi Rosarium politicum, sive amoenissimus flosculorum hortus* / G. Gentius. – Amstelodami: Apud Joannem Blaeu, 1651. – [24], 556 p.

⁶⁴ Steiner, G. *After Babel: Aspects of Language and Translation*. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 538 p.

⁶⁵ Olearius, A. *Persianischer Rosenthal: oder der Persischen Rosengartens Sinnbilder und Historien* / A. Olearius. – Schleswig: Johann Holwein, 1654. – 196 S.

⁶⁶ Sullivan, S. *Select Fables from Gulistan* / S. Sullivan. – London, 1774. – 112 p.

колониальной образовательной и административной практикой, а затем к филологически более точным версиям Э. Б. Иствика⁶⁷ и Э. Рехатсека⁶⁸. В отличие от французской и немецкой моделей, английские переводы с самого начала активно включали «Гулистан» в учебную и практическую сферу: как текст для изучения персидского языка, освоения стиля и обсуждения нравственных вопросов.

На основе сопоставления французской, латинской, немецкой и английской моделей рецепции в диссертации сделан вывод, что ранние переводы «Гулистана» стали важными этапами включения персидской классической литературы в европейский культурный оборот. Каждый перевод по-своему менял форму присутствия Саади в Европе: французская версия приближала его к моралистической прозе, латинская вводила в академическую среду, немецкая связывала с барочной нравственно-дидактической традицией, английская использовала как образовательный и филологический материал. В совокупности эти переводы подготовили основу для дальнейшего изучения «Гулистана» в европейском востоковедении и сравнительном литературоведении.

В разделе 1.3. «**“Гулистан” Саади как объект европейского восприятия: тематика, мотивы и жанровые особенности, определившие интерес европейских читателей**» рассматриваются те свойства произведения, которые сделали его значимым для европейской культуры XVII века. В диссертации показано, что интерес к «Гулистану» был связан не только с его восточным происхождением, но прежде всего с его жанровой гибкостью, афористичностью, нравственно-дидактической направленностью и способностью выражать общие этические идеи в форме коротких притч, наблюдений и поэтических образов.

Автор подчёркивает, что «Гулистан» оказался близок европейскому читателю благодаря соединению нескольких начал: художественной выразительности, житейской мудрости, морального наставления и философской обобщённости. В условиях европейской культуры после Реформации и религиозных конфликтов XVII века особое значение приобретали тексты, обращённые к вопросам терпения, меры, самопознания, справедливости и внутренней устойчивости⁶⁹. Именно эти темы позволили воспринимать произведение Саади не как экзотический памятник восточной литературы, а как текст, сопоставимый с европейской традицией нравоучительной прозы, максим и сентенций⁷⁰.

В разделе показано, что европейскому восприятию «Гулистана» способствовала и его форма. Афористичность произведения была близка практике выписок, распространённой в европейской книжной культуре XVII века, а притчевая структура позволяла включать отдельные фрагменты текста в нравственно-дидактический контекст. Образы сада, розы, зеркала, пути и мудрого наставника воспринимались не только как элементы восточной поэтики, но и как понятные европейскому читателю формы морального рассуждения.

Особое внимание уделяется жанровой многослойности «Гулистана». Его структура позволяла соотносить произведение с европейскими жанрами *emblemata*, *speculum principum*, сборниками сентенций и нравоучительных примеров. Комментарии и предисловия первых переводчиков, прежде всего Гентиуса и Олеариуса, усиливали такую рецепцию: они помогали европейскому читателю видеть в Саади не только восточного автора, но и моралиста, чьи наблюдения могут быть включены в привычную систему этического чтения.

---

⁶⁷ Eastwick, E. B. *The Gulistan; or, Rose-Garden of Shekh Muslihu'd-din Sadi of Shiraz* / E. B. Eastwick. – Hertford: Stephen Austin, 1852. – 452 p.

⁶⁸ Rehatsek, E. *The Gulistan or Rose Garden of Sa'di* / E. Rehatsek. – Benares: Kama Shastra Society, 1888. – 347 p.

⁶⁹ История зарубежной литературы XVII века / под ред. М. В. Разумовской. – Москва: Высшая школа, 2005. – 384 с.

⁷⁰ Саади. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959. – 712 с.

В содержательном плане в диссертации выделяются три важные для европейской рецепции темы: терпение, умеренность и самопознание. Эти мотивы в переводах и комментариях XVII века часто сближались со стоическим пониманием добродетели, христианской этикой самоограничения и барочной мыслью о непостоянстве мира. Понятие меры у Саади интерпретируется не как отвлечённая середина, а как способность человека выбирать нравственно точное действие в конкретной жизненной ситуации.

Завершая анализ, автор показывает, что «Гулистан» был воспринят в Европе XVII века как произведение, способное соединить художественную форму и нравственное содержание. Его притчевость, лаконизм и внимание к человеческому поведению сближали текст Саади с европейской моралистической традицией, представленной, в частности, произведениями Ж. де Лабрюйера⁷¹ и Ф. де Ларошфуко⁷². Поэтому европейская рецепция «Гулистана» в XVII веке рассматривается в диссертации как важный этап включения персидской классической литературы в общеевропейское пространство нравственно-философского чтения.

В разделе 1.4. **«Формирование представлений о персидской литературе и культуре в европейском сознании XVII века: влияние переводов и других источников»** рассматривается, как в европейской культуре XVII века складывался образ персидской литературы. В диссертации показано, что этот образ формировался не только через переводы, но и через исторические хроники, миссионерские описания, риторические компиляции, дипломатические свидетельства и другие формы письменной репрезентации Востока.

Особое внимание уделяется тому, как «Гулистан» Саади вошёл в европейское культурное сознание. В работе подчёркивается, что произведение воспринималось не только как памятник персидской словесности, но и как текст, обладающий нравственным, эстетическим и идеологическим значением для европейского читателя. Его афористичность, притчевая структура и дидактическая направленность способствовали включению «Гулистана» в барочную морально-философскую традицию.

В разделе показано, что при европейском восприятии текст Саади подвергался риторической и жанровой адаптации. Отдельные исламские и суфийские смыслы в переводах и комментариях нередко ослаблялись или переосмыслялись в универсально-нравственном ключе. Благодаря этому Саади представлялся европейской аудитории прежде всего, как мудрец и моралист, чьи идеи могли быть соотнесены с христианской этикой, гуманистической традицией и нравоучительной прозой XVII века.

Значительную роль в этом процессе сыграли первые европейские переводчики и интерпретаторы «Гулистана» Андре дю Рье, Георг Гентиус и Адам Олеариус. В диссертации подчёркивается, что они не только передавали текст на другой язык, но и задавали способы его чтения. Через заглавия, предисловия, комментарии и переводческие решения они формировали образ Саади как автора восточной мудрости, понятной и значимой для европейского читателя.

Анализ материала позволяет сделать вывод, что в XVII веке «Гулистан» постепенно закрепляется в Европе как один из главных текстов, по которым формировалось представление о персидской литературе. Он воспринимался как произведение, соединяющее художественную выразительность, нравственное наставление и философское наблюдение. Поэтому европейская рецепция «Гулистана» не сводилась к истории одного перевода: она стала частью более широкого процесса включения восточной классики в европейскую литературную и интеллектуальную традицию.

В итоге в разделе обосновано, что переводы и интерпретации «Гулистана» создали основу для дальнейшего интереса Европы к персидской литературе. Особая роль в этом

---

⁷¹ Лабрюйер, Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. Лабрюйер. – Москва; Ленинград: Художественная литература, 1964. – 415 с.

⁷² Ларошфуко, Ф. Мемуары. Максимы / Ф. Ларошфуко. – Москва: Наука, 1971. – 280 с.

процессе принадлежит Адаму Олеариусу, поскольку его перевод связал текст Саади с немецкой барочной культурой и придал ему устойчивое место в ранней европейской рецепции Востока.

Вторая глава диссертации «Адам Олеариус и его перевод «Гулистана»: биография, деятельность, переводческий метод» посвящена комплексному анализу переводческой деятельности Адама Олеариуса и его немецкого переложения «Гулистана» Саади «*Persianischer Rosenthal*» рассматриваемого как акт межкультурного посредничества. Автор доказывает, что вхождение персидского дидактического текста в интеллектуальное пространство немецкого барокко было обусловлено не только филологическим интересом, но и специфической социокультурной ситуацией Германии XVII века. В условиях духовного кризиса, вызванного Тридцатилетней войной, литература Нового времени остро нуждалась в универсальных этических ориентирах, что побудило Олеариуса обратиться к наследию Саади как к источнику внеконфессиональной мудрости. Автор обосновывает, что переводческая стратегия Олеариуса строилась на принципе «культурного моделирования», где восточная дидактика не только воспроизводилась, но и заново осмысливалась через призму западноевропейских интеллектуальных категорий, в частности через этику неостоицизма.

В разделе 2.1. «**Жизнь и деятельность Адама Олеариуса: востоковедческие интересы и путешествия**» устанавливается связь между биографическим опытом автора и его методологическим почерком. Автор аргументирует, что уникальность перевода Олеариуса основывается на синтезе глубокой гуманистической подготовки, полученной в Лейпциге, и уникального опыта, приобретенного во время дипломатической миссии в сефевидскую Персию в 1633-1639 гг. В отличие от предшествующих кабинетных переводчиков, Олеариус использовал эмпирический метод: для него «Гулистан» был живым ключом к пониманию социальной иерархии, придворного этикета и ментальности персидского общества. Важнейшим фактором достоверности перевода признается прямое сотрудничество Олеариуса с носителем языка и традиции – персом Хаккверди, что позволило адекватно передать тонкие идиоматические и риторические нюансы оригинала и избежать искажений, характерных для других версий переводов того времени.

Автор посредством анализа переводческого метода Олеариуса выявляет последовательную «легитимизацию» Саади в глазах европейских интеллектуалов через выстраивание античных параллелей, где поэт наделялся статусом «персидской Сенеки». Особо подчеркивается, что адаптация восточного материала не была упрощением, а являлась формой «перевода мировоззрения». При анализе конкретных притч автором обнаружена радикальная смена художественных акцентов: от мистического онтологизма Саади переводчик переходит к барочной рационализации и социально-политическому назиданию. Например, концепт «тени Бога» - *Zillullah* в немецком изложении трансформируется в категорию государственного милосердия, а суфийское переживание единства со светилом подменяется риторическим уподоблением - *Gleich als*, фиксирующим дистанцию между реальным и сакральным. Вся стилистическая отделка текста, характеризующаяся риторической насыщенностью и афористичностью, позволила Олеариусу инкорпорировать «Гулистан» в систему ценностей протестантской Германии XVII века. Таким образом, автор рассматривает деятельность Олеариуса как создание первого в истории германской ориенталистики цельного образа Персии, ставшего основой для будущего.

В разделе 2.2. «**История создания перевода “Гулистана” Адамом Олеариусом: цели, задачи, источники**» рассматриваются условия, в которых был подготовлен немецкий перевод «Гулистана» - «*Persianischer Rosenthal*» 1654 года. В диссертации показано, что работа Олеариуса возникла на пересечении дипломатического опыта, научных интересов Готторпского двора и растущего внимания Европы к персидской литературе. Перевод «Гулистана» рассматривается как продолжение более широкой

программы описания Востока, в которой филологическая работа дополняла картографические, этнографические и исторические сведения о Персии.

В разделе подчёркивается значение личного опыта Олеариуса, связанного с персидской миссией 1630-х годов. Именно этот опыт позволил ему воспринимать «Гулистан» не как отвлечённый книжный памятник, а как текст, связанный с живой культурной и языковой средой. В работе также отмечается роль сотрудничества Олеариуса с носителем персидского языка Хаккверди. Это сотрудничество помогало уточнять значения отдельных слов, образов и смысловых оттенков, которые были трудны для передачи при опоре только на словари и прежние европейские переводы.

Особое внимание уделяется тому, как Олеариус соотносил свой перевод с уже существовавшими европейскими версиями «Гулистана». В отличие от французского перевода Андре дю Рье, ориентированного на вкусы придворно-салонной культуры, Олеариус стремился сохранить более тесную связь с содержательной и дидактической основой текста Саади. При этом он учитывал и латинскую академическую традицию, связанную с изданием Георга Гентиуса «Rosarium Politicum» 1651 года. На этом фоне выбор немецкого языка приобретал особое значение: Олеариус стремился показать, что немецкая словесность способна передавать не только содержание, но и нравственно-философскую глубину восточного текста.

В диссертации анализируется и переводческая стратегия Олеариуса. Его известная метафора «немецкого плаща» (Teutscher Mantel) раскрывается как обозначение культурной адаптации: Саади получает форму, понятную немецкому читателю, но при этом сохраняет черты восточного автора. Использование поэтических и риторических норм немецкого барокко, в том числе александрийского стиха при передаче персидских двустиший, рассматривается как способ включения «Гулистана» в литературную систему XVII века. Такая стратегия была связана с поэтической реформой М. Опица и общими установками немецкой барочной культуры.

Сделан вывод, что перевод Олеариуса был не простой передачей персидского оригинала на немецкий язык, а продуманной литературной адаптацией. В нём «Гулистан» представлен европейскому читателю как книга нравственного наставления, соотносимая с протестантской дидактикой и барочной культурой назидательного чтения. Медные гравюры, сопровождавшие издание, усиливали этот эффект и помогали воспринимать текст как наглядное собрание моральных примеров. Тем самым немецкий перевод 1654 года стал важным этапом европейской рецепции Саади: он соединил филологическую работу, личный опыт переводчика и литературные нормы немецкого барокко.

В разделе 2.3. **«Принципы перевода Адама Олеариуса: текстологический анализ перевода»** рассматривается переводческая стратегия Олеариуса и особенности его работы с текстом «Гулистана». Перевод анализируется не как буквальное воспроизведение персидского оригинала, а как литературная адаптация, рассчитанная на немецкого читателя XVII века. В этом контексте учитываются нормы барочной риторики, нравоучительной прозы и протестантской дидактической культуры.

В диссертации показано, что Олеариус стремился передать не только содержание произведения Саади, но и его нравственный смысл в форме, понятной немецкой аудитории. Для описания этой стратегии привлекаются подходы, связанные с проблемой соотношения точности и свободы в переводе, в том числе представления о «среднем пути» между буквальностью и вольной переработкой, а также современные понятия переводческой «беглости» и адаптации текста к принимающей культуре. При этом подчёркивается, что речь идёт не о прямом влиянии позднейших теорий на Олеариуса, а о методологическом языке, позволяющем точнее описать его переводческую практику.

Особое внимание уделяется текстологическому аспекту работы Олеариуса. В разделе отмечается, что он критически относился к состоянию рукописной традиции и к ошибкам переписчиков, обозначаемых им как Abschreiber. Поэтому перевод понимался им не только как передача текста на немецкий язык, но и как попытка восстановить более ясную и

внутренне согласованную форму произведения Саади. В этом проявляется стремление Олеариуса соединить филологическую работу с задачей литературного объяснения восточного текста.

В результате сопоставления оригинала и немецкой версии выявлены основные приёмы адаптации «Гулистана» к литературной системе немецкого барокко. К ним относятся риторическое расширение лаконичных фрагментов, усиление дидактического звучания, сглаживание некоторых суфийских и иронических оттенков, а также замена отдельных восточных образов более привычными для европейского читателя нравственно-бытовыми аналогами. Так, там, где у Саади важны краткость, смысловая многозначность и притчевая недосказанность, у Олеариуса чаще появляется развернутое моральное пояснение, близкое к традиции назидательной прозы.

Также показано, что Олеариус меняет жанровое восприятие «Гулистана». Мозаичная структура персидского «розового сада» в немецком переводе получает более упорядоченный и назидательный характер. Текст начинает восприниматься как собрание моральных примеров, близкое к европейской традиции «зеркала добродетели» – *speculum virtutis*. Использование архаизирующей лексики, сложного синтаксиса и александрийского стиха придаёт переводу торжественный тон и сближает его с эстетикой немецкой барочной словесности.

Паратекстуальные элементы перевода, таких как предисловия, комментарии, пояснения, а также сотрудничество Олеариуса с Хаккверди, рассматриваются как важная часть переводческой стратегии. Они помогали читателю воспринимать Саади не как чужого и трудного восточного автора, а как мудреца, чьи нравственные наблюдения можно соотнести с европейскими представлениями о добродетели, труде, умеренности и человеческом поведении.

В заключение раздела подчёркивается, что «*Persianischer Rosenthal*» является не вторичной копией персидского оригинала, а самостоятельным литературным явлением немецкой культуры XVII века. В переводе Олеариуса филологическая работа с текстом сочетается с адаптацией к ожиданиям принимающей аудитории. Благодаря этому Саади входит в европейский литературный контекст не только как представитель восточной словесности, но и как автор, чьё нравственное содержание было воспринято в системе немецкой барочной культуры.

В разделе 2.4. «**Лингвокультурологические особенности перевода Адама Олеариуса: отражение европейского мировоззрения и культурных реалий**» анализируется перевод «*Persianischer Rosenthal*» 1654 года как форма культурной адаптации «Гулистана» Саади к немецкой литературной и религиозно-нравственной среде XVII века⁷³. В диссертации показано, что Олеариус не ограничивался передачей содержания персидского текста. Его перевод отражает стремление сделать «Гулистан» понятным европейскому читателю, включив его в систему представлений, близких немецкой барочной культуре и протестантской этике.

Лингвокультурологический анализ позволяет выявить, как в переводе меняется способ представления восточного текста. Саади в версии Олеариуса предстает не столько как автор, связанный с исламской и суфийской традицией, сколько как мудрец и моралист, чьи мысли можно соотнести с европейскими представлениями о добродетели, труде, умеренности, самодисциплине и нравственном поведении. В этом смысле перевод выполняет не только языковую, но и интерпретационную функцию: он объясняет персидский текст через понятные европейскому читателю культурные ориентиры.

В разделе показано, что особенно заметные изменения происходят в образной системе «Гулистана». Образы розы, сада, вина, дервиша, пути, шипов и испытаний в персидской поэтике связаны с несколькими смысловыми планами: эстетическим, этическим,

---

⁷³ Olearius, A. *Persianischer Rosenthal: oder der Persischen Rosengartens Sinnbilder und Historien* / A. Olearius. – Schleswig: Johann Holwein, 1654. – 196 p.

мистическим и духовным. В немецком переводе часть этой многозначности сокращается или переводится в более прямой нравоучительный регистр. Такая трансформация объясняется не только личным стилем Олеариуса, но и нормами принимающей культуры, где текст должен был быть понятен читателю, воспитанному на барочной риторике, христианской морали и традиции назидательного чтения.

Для описания этих процессов в диссертации используются положения А. Д. Швейцера о прагматической адаптации и концепция переводческих норм Г. Тури. Эти подходы позволяют показать, что перевод Олеариуса ориентирован не только на исходный текст, но и на ожидания немецкой аудитории. Сохранение отдельных черт оригинала сочетается в нём с необходимостью сделать произведение приемлемым для иной литературной и религиозно-культурной среды.

Наиболее отчётливо эта закономерность проявляется в передаче образов и религиозно-культурных понятий. В диссертации показано, что Олеариус часто сохраняет общий нравственный смысл фрагмента, но переводит его в более привычный для немецкого читателя язык. Так, образ «колючек на пути»⁷⁴, связанный у Саади с испытанием, внутренней стойкостью и духовным движением, в немецкой версии получает более прямое нравоучительное значение: не причинять вреда другому и поступать осмотрительно. В результате сложный поэтический образ становится понятным правилом поведения, соответствующим ожиданиям поучительной литературы XVII века⁷⁵.

Сходный механизм виден в передаче исламских реалий. В эпизоде о человеке, вернувшемся из хаджа, но не изменившемся нравственно, специфическое понятие «хадж» заменяется у Олеариуса более общим словом *Pilgerfahrt* «паломничество». Такая замена делает текст доступным для европейского читателя, но одновременно ослабляет его связь с исламским ритуальным и правовым контекстом. В этом проявляется одна из главных особенностей перевода Олеариуса: он стремится не столько сохранить терминологическую точность, сколько передать нравственный урок в форме, понятной христианской аудитории XVII века.

Аналогичная тенденция наблюдается при передаче понятий, связанных с духовной и этической культурой Востока. Образы дервиша, адаба, терпения и милосердия в немецком переводе часто соотносятся с привычными европейскому читателю представлениями о духовенстве, добрых нравах, благоразумии и христианском милосердии. Поэтому перевод Олеариуса не просто заменяет отдельные слова: он перестраивает ситуацию так, чтобы она была узнаваема в системе немецкой барочной морали. Такой подход согласуется с пониманием перевода как формы межкультурной коммуникации, при которой переводчик учитывает не только язык, но и ценности, нормы и опыт принимающей культуры⁷⁶.

На уровне стиля это выражается в переходе от краткой афористичности Саади к более развернутой немецкой фразе. Там, где оригинал часто оставляет место для намёка, образной многозначности и внутреннего толкования, Олеариус стремится к ясному нравственному выводу. Поэтому саж, притчевая краткость и суфийская образность частично уступают место барочной риторике, пояснению и назидательной завершённости. В этом состоит не случайная потеря отдельных смыслов, а общая стратегия включения «Гулистана» в немецкую литературную культуру XVII века.

Таким образом, на конкретных примерах в диссертации показано, что Олеариус нередко усиливает дидактическое звучание текста Саади. Там, где в оригинале сохраняется суфийская многозначность, образная недосказанность или связь нравственного действия с

---

⁷⁴ Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959. – С. 389.

⁷⁵ Saadi. *Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius.* – Schließwig: Johann Holwein, 1654. – S. 132. – URL: <https://archive.org/details/persianischerros00sadi> (дата обращения: 15.01.2026).

⁷⁶ Раджабова, Г. С. Перевод как вид межкультурной коммуникации / Г. С. Раджабова, Х. М. Магомедова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 15. – С. 36–40.

духовным путём, в немецкой версии чаще появляется более прямое моральное наставление. Так, мотив испытаний, терпения и внутреннего роста может быть передан через понятные европейскому читателю образы повседневного труда, осторожности и практической добродетели. В результате сложный духовно-поэтический смысл не исчезает полностью, но становится более рациональным и назидательным. В разделе подчёркивается, что такая адаптация не сводится к упрощению оригинала. Она показывает, каким образом «Гулистан» был включён в немецкую культуру XVII века. Олеариус стремился сохранить авторитет Саади как восточного мудреца, но одновременно приближал его текст к привычной европейской системе морального чтения. Поэтому перевод «*Persianischer Rosenthal*» рассматривается как важный пример взаимодействия двух культурных традиций: персидской классической словесности и немецкой барочной дидактики.

Третья глава диссертации «Гулистан» Саади в интерпретации Адама Олеариуса: литературоведческий анализ» посвящена многоуровневому анализу перевода «Гулистана» Саади, осуществлённого Адамом Олеариусом, через жанровой, риторической и смысловой трансформации. Автор акцентировал внимание на своеобразии восприятия персидского текста в европейской культурной парадигме XVII века. Перевод рассматривается им как акт вторичного авторства, в ходе которого оригинальная структура, насыщенная чередованием поэзии и прозы, притч и афоризмов, подвергается адаптации к эстетическим и дидактическим ожиданиям немецкой аудитории. Он пересматривает риторические приёмы, когда христианская модель становится смысловым стержнем, а восточная символика обретает практическую значимость, а поучительный тон автора становится определяющим.

Автором в таблицах представлены результаты сопоставительного анализа ключевых фрагментов персидского текста «Гулистана» и немецкого перевода Олеариуса. Таблицы отражает изменения на уровне жанровой структуры, ритмики и риторических приёмов, а также включает краткие комментарии, поясняющие переводческие решения и демонстрирующие, каким образом текст адаптируется к культурно-эстетическим ожиданиям европейского читателя, например:

Таблица 1.

Жанровая трансформация «Гулистана» в переводе Олеариуса

№	Фрагмент текста из «Гулистана»	Его перевод в « <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Тип трансформации	Комментарии
1	" سخن گرچه دلبند و شیرین بود، سزاوار تصدیق و تحسین بود چو یک بار گفتی، مگو باز پس، که حلوا چو یک بار خوردند، بس" [Глава 4, рассказ 6, с. 279] / букв.: хотя речь и услаждает сердце и сладка, и достойна быть одобренной и восхвалённой, когда ты её один раз сказал, не повторяй вновь. Ибо халвы, когда	«Eine igliche Rede hat feine Maaß und Ziel / bift duklug / fo mische deine Rede in keines andern ein. An dem sich gut Verstand und Tugend wird erzeigen / Der redet nicht / biß er vermerckt ein Stilleschweigen» [Глава 4, рассказ 6, с. 96] / букв.: всякая речь имеет свою меру и цель; если ты разумен, не вмешивай свою речь в чужую. В том проявляются здравый рассудок и добродетель: он не	Смысловая адаптация (парафраз) с опущением образа, поэтическое сравнение заменено абстрактным тезисом о мере, уместности и сдержанности речи.	В немецком переводе отсутствует метафора с халвой и идея «не повторять сказанное». Переводчик заменяет образно-поэтическое наставление Саади на обобщённую морально- дидактическую формулу, близкую европейской риторической традиции. Сохраняется общий этический смысл (уместность и мера речи), но структура, образность и поэтика оригинала существенно преобразованы.

	один раз поели, достаточно.	говорит, пока не заметит молчания.		
2	"آنکس که به قرآن و خبر زو نرھی، آنست جوابش که جوابش ندهی" [Глава 4, рассказ 4, с. 278] / букв.: тот, кого ты не можешь одолеть ни Кораном, ни хадисом. Ответ ему таков, что ты не дашь ему ответа.	« <i>Antworten hast du Antwort genug gegeben / Dem / wem mit dem Gesetz du nicht kanfst widerstreben</i> » [Глава 4, рассказ 4, с. 94] / букв.: не отвечая, ты дал достаточно ответа тому, кому ты не можешь противостоять с помощью закона.	Смысловая адаптация с перестройкой и уточнением контекста – сохраняется смысл, изменена структура, добавлено уточнение о «законе».	Немецкий перевод сохраняет основной смысл оригинала (не давать ответа тому, кого нельзя победить Кораном или Хадисом), но изменена синтаксическая структура и добавлено пояснение «с помощью закона», что уточняет контекст противостояния и делает текст ближе к европейской юридико- этической логике.
3	"ابر اگر آب زندگی بارد، هرگز از شاخ بید بر نخوری" [Глава 1, рассказ 4, с. 44] / букв.: даже если туча прольёт живую воду, ты никогда не получишь плода от ветки ивы.	« <i>Wenn auch schon die Wolcken Wässer des Lebens regneten / und das Land am fruchtbarsten machten / wirstu doch keine Frucht von Weidenbäumen samlen</i> » [Глава 1, рассказ 5, с. 6] / букв.: если даже облака проливают воды жизни и делают землю наиболее плодородной, ты всё равно не соберёшь плодов с ивовых деревьев.	Экспансия: добавление / расширение смысла	Переводчик использует приём экспансии - расширения: в немецкий перевод добавлена фраза «и делают землю наиболее плодородной» - <i>und das Land am fruchtbarsten machten</i> . Это дополнение усиливает исходный смысл, т.е. невозможность получить плод от ивы, несмотря на живительную влагу, создавая более яркий и развёрнутый образ идеальных условий, что характерно для поэтических или риторических переводов.
4	"اسب تازی و اگر ضعیف بود، همچنان از طویله خر بهتر است" [Глава 1, рассказ 3, с. 36] / букв.: арабский конь, даже если он слаб, всё равно ценнее, чем осёл из стойла.	« <i>Mehr ist ein schlang Arabisch Pferd / Als ein Stall voller Esel / wehrt</i> » [Глава 1, рассказ 4, с. 3] / букв.: больше стоит стройный арабский конь, чем хлев, полный ослов.	Модификация лексики и детализация образа	Олеариус осуществляет лексическую модификацию - усиление, заменяя простое «слаб» - ضعیف на конкретный и визуальный признак «стройный» - <i>schlang</i> . Происходит также детализация образа:

			<p>вместо обобщённого «осёл из стойла» - طويلة خر используется более яркий и множественный образ «хлев, полный ослов» - <i>ein Stall voller Efel</i>. Это служит усилению контраста между благородным, хотя и слабым/стройным) конём и низменными животными – ослиами</p>
--	--	--	---

Источник: составлено автором на основе [Са’ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schleßwig: Johann Holwein, 1654.]

Представленный анализ четырёх фрагментов убедительно доказывает, что Олеариус выступал не столько как переводчик, сколько как культурный медиатор, адаптирующий персидский дидактический жанр к риторическим канонам и моральным запросам европейского барокко и раннего Просвещения.

Проведённый анализ показывает, что в переводе Олеариуса заметно меняется характер поэтической речи Саади. Краткие, образные и часто многозначные высказывания оригинала в немецкой версии нередко получают более развёрнутую и назидательную форму. Там, где Саади строит смысл через метафору, ритм и недосказанность, Олеариус чаще стремится к ясному нравственному выводу, понятному читателю немецкой барочной культуры. Это проявляется уже в передаче отдельных образов. В стихе о сдержанности речи Саади использует метафору халвы, которую достаточно попробовать один раз; у Олеариуса этот образ заменяется общей мыслью о мере, уместности и необходимости говорить вовремя. В другом случае религиозный контекст, связанный с Кораном и хадисами, передаётся через более общее понятие закона – Gesetz. Тем самым восточное наставление получает форму, близкую европейскому представлению о нравственном и общественном порядке.

В ряде примеров Олеариус не сокращает, а, напротив, расширяет исходный образ. Так, при передаче мотива «воды жизни» он добавляет уточнения, усиливающие мысль о неизменности природы человека. В другом случае противопоставление арабского коня и осла становится более наглядным: вместо простой оценки появляется образ «хлева, полного ослов». Такие изменения показывают стремление переводчика сделать моральный смысл более выразительным и доступным для немецкого читателя.

В целом выявленные примеры позволяют говорить о переходе от поэтической афористичности Саади к более рационально выстроенной немецкой сентенции. Ирония, краткость и образная недосказанность оригинала у Олеариуса часто заменяются пояснением, причинно-следственной связью и прямым нравственным выводом. Это не отменяет художественной ценности перевода, но показывает, что немецкая версия «Гулистана» подчиняется нормам барочной риторики и нравоучительной прозы.

Методологически данный анализ основан на сопоставлении критического текста «Гулистана» под редакцией Р. М. Алиева и первого немецкого издания 1654 года. Сравнительно-текстологический подход позволил выявить основные направления трансформации: от восточной афористичности, ситуативной мудрости и поэтической многозначности к системе ясных нравственных правил, обозначенных в немецком издании как nützliche Regeln.

В результате установлено, что перевод Олеариуса сохраняет общую композицию «Гулистана», но внутренне перестраивает способ подачи материала. Эстетическая функция текста Саади в немецкой версии часто уступает место дидактической задаче. Восточная притча рационализируется, суфийская многозначность ослабляется, а отдельные образы приобретают черты барочной сентенции и морального примера. Перевод Олеариуса рассматривается в диссертации как самостоятельное явление немецкой литературы XVII века. Его значение состоит не только в передаче текста Саади на немецкий язык, но и в том, что восточная афористика была включена в систему европейской нравоучительной словесности и получила новую форму существования в культуре барокко.

В разделе 3.1. «**Жанровое своеобразие “Гулистана” в переводе Адама Олеариуса: трансформация жанровых особенностей оригинала**» рассматривается, как в немецком переводе меняется жанровая организация произведения Саади. В диссертации показано, что «Гулистан», соединяющий притчу, афористическое высказывание, поэтический фрагмент и нравственное наставление, в версии Олеариуса получает более упорядоченную и дидактически выраженную форму. Переводчик стремится сделать текст понятным немецкому читателю XVII века, поэтому многозначность персидского оригинала часто передаётся через более прямые нравственные формулы, близкие барочной назидательной прозе.

Анализ основан на сопоставлении критического текста «Гулистана» под редакцией Р. М. Алиева с немецким изданием «*Persianischer Rosenthal*» 1654 года. Сравнение показывает, что Олеариус в целом сохраняет композиционную основу произведения, но меняет способ подачи материала. Краткая притча, поэтическая недосказанность и образная плотность оригинала в немецкой версии нередко уступают место развернутому объяснению, логической связности и прямому моральному выводу.

Одним из важных направлений трансформации является ослабление конкретной образности. Там, где Саади использует чувственные и яркие метафоры, Олеариус часто выбирает более общую дидактическую формулу. Так, образ краткой речи, сравниваемой с халвой, в немецком переводе передаётся через мысль о мере, уместности и своевременности высказывания. Это показывает, что для Олеариуса важнее становится не сохранение всей поэтической ткани оригинала, а передача нравственного смысла в форме, понятной принимающей аудитории.

Отдельное значение имеет проблема передачи саджа – рифмованной прозы, которая в «Гулистане» связана не только с внешней украшенностью речи, но и с внутренней организацией мысли. В немецком переводе эта звуковая и ритмическая структура в значительной мере утрачивается. Вместо ритмической сжатости и параллелизма появляется более линейная фраза, построенная по законам немецкой барочной риторики. В результате поэтическая многозначность и ироничная недосказанность Саади часто заменяются последовательным рассуждением и нравственным пояснением.

Таким образом, в разделе 3.1. установлено, что жанровая трансформация «Гулистана» у Олеариуса связана не с механическим упрощением текста, а с его включением в другую литературную систему. Немецкая версия сохраняет связь с оригиналом, но перестраивает его в соответствии с ожиданиями барочного читателя, для которого были особенно важны ясность, назидательность и практическая применимость нравственного вывода. Основные механизмы этой трансформации представлены в следующей таблице.

Таблица 2.

Утрата саджа – риторических и звуковых особенностей

№	Фрагмент из «Гулистана»	« <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Тип утраты саджа при переводе	Комментарии
---	-------------------------	------------------------------------	-------------------------------	-------------

1	<p>"علم چندان که بیشتر خوانی، چون عمل در تو نیست، نادانی" [Глава 8, с. 423] / букв.: знания, сколько бы ты ни учил, если нет в тебе практики, - ты невежда.</p>	<p>«<i>Wissen, das ohne Thun ist, ist wie Honig in einem Gefäss ohne Boden</i>» [Глава 8, с. 150] / букв.: знание, которое без дела (без практики), подобно мёду в сосуде без дна.</p>	Замена афоризма метафорой	<p>Саади использует прямую рифму -<i>садж</i>, построенную на созвучии <i>خوانی</i>- учишь и <i>نادانی</i>- невежество, усиливая противопоставление знания и практики. Олеариус утрачивает риторическую структуру <i>саджа</i> и заменяет ее новой, яркой метафорой из европейской традиции «мёд в сосуде без дна». Суть сохраняется, но поэтическая и звуковая форма персидского оригинала полностью утрачивается ради инокультурного образа</p>
2	<p>"چون بنده خدای خویش خواند، باید، که به جز خدا نداند" [Глава 2, рассказ 18, с. 146] / букв.: когда человек призывает своего Бога, должно, чтобы он не признавал никого, кроме Бога.</p>	<p>«<i>Wie wiltu die grosse Güte des HErren genug dancken / daß du die Meynung und böses Vermuhtn der Leute vondir übertriffst?</i>» [Глава 2, рассказ 18, с. 53-54] / букв.: как ты можешь достаточно благодарить великую милость Господа, что ты превосходишь мнение и дурные подозрения людей о себе?</p>	Полная замена (Замена афоризма контекстом)	<p>Саади использовал классический суфийский афоризм, построенный на <i>садже</i> – <i>خدا نداند</i> и <i>خویش خواند</i> Олеариус полностью опускает этот афоризм. Вместо прямого перевода ключевого суфийского принципа - исключительная концентрация на Боге, он переводит только контекст: утешение молодого дервиша наставником, который лишь подразумевает этот принцип. Происходит утрата как поэтической формы <i>саджа</i>, так и философской афористической формулировки.</p>
	<p>"قارون هلاک شد، که چهل خانه گنج داشت، انوشیروان نمرد، که نام نکو گذاشت" [Глава 1, рассказ 18, с. 82] / букв.: Карун погиб, хотя у него</p>	<p>«<i>Der reiche Karun / ob er wol 40. Schatzkammern voll hatte / ift untergangen. Nauschirwan aber stirbet nicht / weil er</i></p>	Утрата рифмованной прозы - <i>саджа</i>	<p><i>Садж</i> в оригинале: <i>نام ... /چهل خانه گنج داشت ... نکو گذاشت</i>. В переводе Олеариуса немецкая фраза, оформленная как стих-заключение рифма между ключевыми</p>

3	было сорок кладовых сокровищ, Нуширван не умер, потому что оставил после себя доброе имя.	<i>einen guten Namen hinter sich gelassen</i> » [Глава 1, рассказ 21, с. 23-24] / букв.: богатый Карун, хотя у него было 40 кладовых полных, погиб. Науширван же не умирает, потому что оставил после себя доброе имя.	словами полностью утрачена. Акцент сделан на точной передаче смысла
---	---	--	---

Источник: составлено автором на основе [Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. *Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln* / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schließwig: Johann Holwein, 1654.]

Приведённые сопоставления показывают, что при переводе Олеариус последовательно отдаёт предпочтение ясности нравственного вывода перед сохранением звуковой и ритмической организации оригинала. В тех случаях, где у Саади смысл создаётся через садж, внутреннюю рифму, краткость и образную плотность, немецкий текст чаще передаёт основную мысль в форме прямого дидактического высказывания.

Так, в примере о знании без практики у Саади важна не только сама мысль, но и её ритмико-звуковая организация. У Олеариуса эта связь ослабляется: афористическая форма передаётся через более понятный европейскому читателю образ и прямое нравственное пояснение. В результате сохраняется общий смысл наставления, но утрачивается часть поэтической выразительности оригинала.

Сходный процесс наблюдается и в примерах, связанных с религиозно-философским содержанием. Там, где у Саади краткая формула сохраняет суфийскую напряжённость и смысловую многозначность, Олеариус чаще выбирает более мягкую и обобщённую форму. Такая передача делает текст доступнее для немецкого читателя XVII века, но одновременно снижает его связь с исходной духовно-поэтической традицией.

Особенно показателен пример о Нуширване и Каруне. Смысл противопоставления доброго имени и богатства в переводе сохранён, однако рифмованная проза оригинала исчезает. Это подтверждает общий принцип перевода Олеариуса: нравственная идея передаётся достаточно точно, но эстетическая организация персидского текста подчиняется требованиям немецкой барочной прозы. Следовательно, утрата саджа в «*Persianischer Rosenthal*» не является только технической особенностью перевода. Она свидетельствует о более глубокой жанровой перестройке «Гулистана». У Саади ритм, рифма и звук участвуют в создании нравственного смысла; у Олеариуса этот смысл чаще раскрывается через логически выстроенное и дидактически ясное высказывание. Поэтому немецкая версия делает «Гулистан» понятным для европейской моралистической традиции, но заметно ослабляет его поэтическую и суфийскую многозначность.

Анализ примеров подтверждает, что перевод Олеариуса сохраняет основное нравственное содержание «Гулистана», но переводит его в иную жанрово-риторическую систему. Персидская рифмованная проза преобразуется в рационально организованную немецкую дидактическую прозу, соответствующую литературным ожиданиям барочной эпохи.

Дальнейшие проявления жанровой редукции – перехода от поэтической архитектоники к прозаической рациональности – представлены в таблице, где сопоставлены конкретные примеры из оригинального Гулистана и немецкого перевода Олеариуса.

Таблица 3.

Утрата *саджа* и жанровая редукция в переводе Олеариуса

	Садж в «Гулистане»	Проза в « <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Тип трансформации	Комментарии
	<p>که آن نام "به آموخت فکرت را جان جان نور به دل چراغ بر افروخت " двустипшие с внутренним ритмом (<i>آموخت</i> / <i>افروخت</i>) [Предисловие] / букв.: во имя Того, кто душе мысль научил, и светильник сердца светом науки зажѐг.</p>	<p>«<i>Im Namen dessen, der dem Geist das Denken lehrte und das Herz mit dem Lichte der Erkenntnis erhellte</i>» [Предисловие] / букв.: во имя Того, кто научил дух мышлению и озарил сердце светом познания.</p>	<p>Утрата поэтической рифмы и метрического параллелизма.</p>	<p>В переводе утрачена поэтическая структура Саади: он лишился рифмованных двустипший и метрической соразмерности, которые в оригинале создавали смысловую плотность. Это ослабляет внутреннюю динамику высказывания: вместо гармонии и соразмерности фраз читатель получает рационально выстроенную прозу. Параллельные синтаксические конструкции, которые в оригинале служили для создания зеркального эффекта и усиливали дидактический посыл, здесь заменены обычным логическим повествованием.</p>
	<p>"بنی آدم اعضای یکد یگرند که در آفرینش ز یک گوهرند" [Глава 1, рассказ 10, с. 59] / букв.: дети Адама части одного тела, ибо в своём сотворении они из одной сущности.</p>	<p>«<i>Alle Adams Kinder feynd untereinander Gliedermassen / dann sie feynd jhrer Geschlechtes und Natur halber alle aus einerley Materi</i>» [Глава 1, рассказ 12, с. 14] / все Адамово дети являются друг между другом частями тела, потому что они все из одного материала / сущности.</p>	<p>Замена поэтического параллелизма и рифмы (<i>یکد</i> / <i>گوهرند</i> / <i>یگرند</i>) на логическое объяснение.</p>	<p>Олеариус сохраняет образ метафоры тела - <i>Gliedermassen</i>, но полностью устраняет поэтический Саади. Рифмованное объяснение «из одной сущности» заменено прозаической и более длинной фразой, основанной на причине «потому что они из одного материала». Трансформация ведёт к жанровой редукции от поэзии к дидактической прозе.</p>
	<p>"اگر دنیا نباشد، دردمندیم، و اگر باشد، بمهرش پابندیم" [Глава 2, рассказ 28, с. 166] / букв.: если нет богатства, мы страдаем душой,</p>	<p>«<i>Ift kein Reichthumb da / klagt der Muht: / Ift er da / so ift man darumb Sklave</i>» [Глава 2, с. 103] / букв.:</p>	<p>Редукция <i>саджа</i> (звукового и ритмического баланса) до риторической прозы с утратой рифмы.</p>	<p>Сохраняется синтаксический антитезис (две противопоставленные фразы «Если нет... А если есть...»), что является основой для <i>саджа</i>. Однако полностью исчезает внутренняя рифма и ритмический баланс, который в</p>

<p>а если он есть, мы прикованы к нему. <i>Садж</i> на противопоставлении и звуковом равновесии پابنديم / دردمنديم.</p>	<p>если нет богатства, жалуется дух: а если оно есть, то ты его раб.</p>		<p>оригинале объединял «страдающих» - دردمنديم и «прикованных» پابنديم. Взамен предлагается более резкий, нерифмованный контраст между жалобами и рабством - <i>Sklave</i>, что делает высказывание более прямолинейным и дидактическим.</p>
<p>"نامى نيك بماند و جهان نماند" [Глава 8, с. 421] / букв.: доброе имя останется, а мир не останется - <i>садж</i> на контрасте بماند / نماند.</p>	<p>«<i>Das guhte Lob und Nahme wird bleiben / die Welt aber vergeht</i>» [Глава 8, с. 150] / букв.: доброе имя и слава пребудут / Мир же проходит (исчезнет).</p>	<p>Утрата рифмы и звукового равновесия, рифмованное отрицание.</p>	<p>Сохраняется дидактический смысл и противопоставление: имя останется, мир пройдёт, но при этом утрачивается рифмантитеза بماند / نماند-останется / не останется, которая придавала оригинальному стиху особую лаконичную выразительность и звуковую завершённость. Олеариус использует синонимичные немецкие глаголы <i>bleiben / vergeht</i>, что устраняет поэтический эффект звукового зеркала</p>

Источник: составлено автором на основе [Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. *Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln* / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schließwig: Johann Holwein, 1654.]

Сопоставление примеров показывает, что в переводе Олеариуса жанровая перестройка «Гулистана» проявляется не только в утрате саджа, но и в изменении способа объяснения нравственной мысли. Персидский текст часто строит смысл через сжатый образ, ритмическое равновесие и внутренний контраст. Немецкий перевод, напротив, стремится раскрыть этот смысл прямо, через причинно-следственную связь и понятное моральное заключение. Так, в примере о «детях Адама» Олеариус сохраняет центральный образ единого тела, но переводит его в более рассудочную форму: связь между людьми объясняется через общность происхождения. В примерах о богатстве, страдании и добром имени также сохраняется общий нравственный вывод, однако исчезает та звуковая и композиционная сжатость, которая у Саади делает афоризм одновременно мыслью и поэтическим высказыванием.

Эти наблюдения позволяют уточнить характер жанровой трансформации. Олеариус не просто опускает отдельные поэтические приёмы, а меняет сам принцип подачи материала. У Саади нравственная мысль часто раскрывается через образ и ритм; у Олеариуса она получает форму ясного поучения. Поэтому немецкая версия «Гулистана» сближается с европейской барочной моралистикой, где главное значение имеет понятность, назидательность и практическая польза высказывания.

В разделе 3.2. «Стиль “Гулистана” в переводе Олеариуса: особенности передачи образности, метафоричности и афористичности языка Саади» рассматривается, как в немецкой версии переданы основные черты художественной речи Саади. В центре анализа находятся образность, метафорика, афористичность и ритмизованная проза оригинала, поскольку именно через эти элементы в «Гулистане» выражается нравственное содержание. В диссертации показано, что для Олеариуса главную трудность представляли садж и многозначная символика персидского текста, особенно в тех случаях, где образ

соединял этический, художественный и суфийский смысл. Переводчик стремился сделать эти фрагменты понятными немецкому читателю XVII века, поэтому нередко передавал их через более привычные для барочной культуры риторические и дидактические формы.

Методологически анализ раздела основан на сопоставлении персидского оригинала с немецким переводом Олеариуса, а также на учёте историко-литературного контекста европейской переводческой практики XVII века. При рассмотрении поэтики Саади используются также наблюдения исследователей персидско-таджикской классической литературы, в том числе И. С. Брагинского и А.-М. Шиммель. В ходе анализа выявлены основные способы передачи художественной речи Саади в переводе Олеариуса. В одних случаях переводчик сохраняет смысловую основу оригинала, особенно там, где речь идёт об универсальных нравственных положениях, например, об оппозиции «ложь во благо – правда во вред». В других случаях он прибегает к пояснению и детализации, разворачивая краткий образ Саади в более наглядное описание, понятное европейскому читателю. Наконец, в ряде примеров наблюдается упрощение или рационализация метафоры: суфийская или паремииологическая образность переводится в форму прямого морального суждения.

Таким образом, стиль «Гулистана» в переводе Олеариуса сохраняет основное нравственное содержание произведения, но меняет способ его художественного выражения. Афористичность, метафоричность и образная сжатость Саади в немецкой версии часто уступают место пояснению, риторической развёрнутости и дидактической ясности. Основные типы этих переводческих решений представлены в таблице.

Таблица 4.

Примеры сопоставления афоризмов

№	Афоризмы в «Гулистане»	Вариант в « <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Комментарии и выводы
1	"هر کی نان از عمل خویش خورد، منت از حاتم طائی نبرد" [Глава 3, рассказ 14, с. 223] / букв.: тот, кто ест хлеб, добытый своим трудом, не будет в долгу перед Хатемом Таи.	« <i>Wer das Brod mit feiner Arbeit erwerben / und für sich effen kan / der hat nicht nöhtig / daß er des Chatem Thaj Taffel besuche / und hernach deßwegen Vorwurff leide</i> » [Глава 3, рассказ 15, с. 75] / букв.: кто может добыть хлеб своим трудом и есть его для себя, тому нет нужды посещать стол Хатема Таи и потом из-за этого терпеть упрёки.	Персидский афоризм, используя отсылку к легендарному щедрому Хатему Таи, прямо утверждает, что самостоятельный труд освобождает человека от унижительного положения просителя и от необходимости «нести бремя благодарности» - منت. Немецкий вариант усиливает этот мотив, добавляя, что посещение стола Хатема может привести к <i>Vorwurff</i> упреку/порицанию. То есть, обе версии прославляют достоинство, приобретённое через личный труд, и видят в милостыне потенциальный источник унижения.
2	"هر که دست از جان بشوید، هر چه در دل دارد، بگوید" [Глава 1, рассказ 1, с. 31] / букв.: тот, кто от (души) жизни руки омоет, скажет всё, что у него на сердце.	« <i>Dann der / mit dem es zur Verzweiffelung gedeiget / stofft oh=ne fchew heraus / was ihm in Sinn kompt..</i> » [Глава 1, рассказ 1, с. 1] / букв.: ибо тот, кто доведён до отчаяния, без стеснения	«Гулистан» использует яркую метафору: «омыть руки от жизни» - это крайняя степень готовности к смерти, а значит, и к полной правдивости. Человек, который не боится за свою жизнь, не боится и говорить. Немецкий перевод смещает фокус с отречения от жизни на состояние

		выбалтывает то, что приходит ему на ум...	« <i>Verzweiffelung</i> » - отчаяние. Отчаяние, будучи эмоциональным состоянием, также снимает социальные барьеры и заставляет говорить без стеснения <i>ohne schew</i> . Персидский вариант более философский и решительный: готовность к смерти, немецкий - более психологический.
3	"سخنی در نهان نباید گفت، که بر انجمن نشاید گفت" [Глава 8, с. 427] / букв.: речь, которую в тайне не следует говорить, и которую перед собранием не подобает говорить.	« <i>Es ist besser schweigen, als unnütz reden</i> » [Глава 8, с. 150] / букв.: лучше молчать, чем бесполезно говорить.	Афоризм Саади устанавливает критерий общественной приемлемости для тайных разговоров: если сказанное в частном порядке «не подобает» говорить прилюдно, его не следует говорить вовсе. Это принцип ответственности и предотвращения сплетен. Немецкий вариант является более общей сентенцией о риторике: «лучше молчать, чем бесполезно говорить». Переводчик, возможно, посчитал исходный афоризм слишком специфичным и заменил его универсальным. правилом мудрой речи. Исходный текст говорит о качестве, перевод - о целесообразности, т.е. пользе.
4	"نیشته است بر گور بهرام گور، که دست کرم به ز بازوی زور" [Глава 2, рассказ 49, с. 202] / букв.: написано на могиле Бахрама Гура, что рука щедрости лучше рука принуждения!	« <i>Es ist das Lob der milden Hand / Mehr als des starcken Arm beband</i> » [Глава 2, рассказ 39, с. 202] / букв.: слава милосердной руки, больше, чем сильной руки, известна.	Обе формулировки абсолютно схожи. Саади использует контраст между «دست کرم» - рука щедрости/милости и «بازوی زور» - рука силы и привязывает его к фигуре великого царя Бахрама Гура усиливая поучение историческим, легендарным авторитетом. Немецкий перевод - милосердная рука, сильная рука, является поэтическим обобщением того же принципа: мораль и милосердие приносят больше вечной славы, чем военная мощь или принуждение.
5	"شمشیر نیک از آهن بد چون کند کس؟ ناکس به تربیت نشود، ای حکیم کس" [Глава 1, рассказ 4, с. 47] / букв.: как может кто-либо сделать хороший меч из	« <i>Wie kan man aus schlimmen Eifen ein gut Schwerdt machen? Aus einem verkehrten Menschen wird nimmer ein Kluger</i> » [Глава 1, рассказ 5, с. 7] / букв.:	Это один из наиболее точно переданных афоризмов. И Саади используя термин «ناکس» - негодяй/никто, и Олериус « <i>verkehrten Menschen</i> » - испорченный/извращенный человек, проводят аналогию между низким качеством материала - железо и порочностью

	плохого железа? Негодяй воспитанием не станет достойным, о мудрец.	как можно из плохого железа сделать хороший меч? Из испорченного человека никогда не выйдет мудрый.	человеческой природы. Основная мысль: воспитание - تربیت не способно изменить фундаментальную испорченность, как и лучшая обработка не сделает меч из плохого сырья.
6	"لوقمن را گفتند حکمت را از کی آموختی؟ گفت از نابینایان که تا جای نبینند پای ننهند" [Предисловие, с.28] / букв.: Лукмана спросили: «У кого ты научился мудрости?» Он ответил: «У слепых, которые, пока не видят, не ставят ногу.	«De weise Lokman / als er gefragt worden / woher er feine Geschicklichkeit ge= lernt? Hat geantwortet: von den ungeschickten und groben Leuten. Dann was mir in ihrem Tuhn und Wesen mißfiel / das vermeidete ich» [Глава 2, рассказ 16, с. 53] / букв.: мудрый Лукман, когда его спросили, откуда он приобрёл своё мастерство, ответил: от неумелых и грубых людей. То, что мне не нравилось в их поступках и поведении, я избегал.	В «Гулистане» Лукман учится у слепых, что служит метафорой крайней предусмотрительности: каждый шаг должен быть проверен. Принцип - «предвидеть выход прежде входа». В «Persianischer Rosenthal» Лукман учится у « <i>ungeschickten und groben Leuten</i> » - неумелых и грубых, используя их поведение как негативный образец. Обе версии описывают косвенный метод обучения мудрости, но персидский акцентирует предусмотрительность, а немецкий - избегание пороков через наблюдение за другими.

Источник: составлено автором на основе [Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schließwig: Johann Holwein, 1654.]

Сопоставление афоризмов Саади с немецким переводом Олеариуса показывает, что «Persianischer Rosenthal» в целом сохраняет нравственную основу «Гулистана», но меняет способ её художественного выражения. Переводчик чаще всего стремится передать главный этический вывод, даже если при этом ослабляется образная, ритмическая или культурная специфика оригинала.

В тех случаях, где мысль Саади имеет универсальный характер, Олеариус передаёт её достаточно близко к оригиналу. Это видно, например, в афоризмах о природе человека, пределах воспитания, добродетели, щедрости и превосходстве доброго имени над богатством. Здесь немецкий текст сохраняет основную моральную направленность «Гулистана» и делает её понятной для европейского читателя XVII века.

Вместе с тем отдельные восточные аллегории и культурно значимые образы в переводе получают более прямую и прагматичную форму. Так, мотив самодостаточности, связанный у Саади с представлением о достоинстве и освобождении от зависимости, у Олеариуса сближается с идеей избегания упрека. В афоризме о правдивости и готовности «омыть руки от жизни» философская решимость оригинала передаётся через состояние отчаяния, что делает образ более психологически понятным, но менее возвышенным.

Сходная трансформация наблюдается и в притче о Лукмане. У Саади мудрость раскрывается через тонкий образ наблюдения и нравственного выбора; у Олеариуса она получает форму более прямого наставления: человек учится, избегая чужих грубых и неумелых поступков. Такой перевод сохраняет дидактический смысл, но делает его ближе к европейской моралистической традиции.

Таким образом, анализ показывает, что Олеариус не просто переводит афоризмы Саади, а приспособливает их к нормам немецкой барочной прозы. Универсальные нравственные идеи он в основном сохраняет, но фрагменты, связанные с суфийской образностью, восточными аллюзиями и тонкой метафорикой, часто передаёт через более ясные и прямые моральные формулы. В результате «Гулистан» в немецкой версии становится понятным европейскому читателю как книга нравственного наставления, хотя часть поэтической и культурной многозначности оригинала при этом ослабляется.

В разделе 3.3. «**Дидактические аспекты “Гулистана” в переводе Олеариуса: способы интерпретации моральных установок и поучений**» рассматривается, как в немецком переводе меняется способ выражения нравственного содержания произведения Саади. В диссертации подчёркивается, что дидактика «Гулистана» в оригинале неотделима от его художественной формы: нравственный смысл раскрывается через сюжет, афоризм, иронию, образ и поэтическую краткость. В переводе Олеариуса эта система получает более прямое и рационально организованное выражение. Переводчик стремится сделать моральный вывод ясным для немецкого читателя XVII века, поэтому нередко отделяет нравственное наставление от повествовательной ткани и оформляет его как самостоятельную сентенцию. Там, где у Саади смысл часто рождается из поведения персонажа, неожиданной развязки или подтекста, у Олеариуса он чаще формулируется открыто и завершённо.

В работе показано, что такая трансформация связана с нормами немецкой барочной словесности и протестантской нравоучительной традиции. Для Олеариуса важно не только сохранить содержание притчи, но и сделать её пригодной для назидательного чтения. Поэтому повествовательные детали, психологические оттенки и суфийская многозначность в ряде случаев отступают на второй план, а в центре оказывается практический нравственный вывод. В разделе выделены основные способы передачи дидактического содержания «Гулистана» в немецком переводе: превращение повествовательной ситуации в прямую моральную формулу; сокращение сюжетной части ради усиления вывода; унификация оценочной лексики; рационализация образной и суфийской этики до более общих нравственных правил. Эти приёмы показывают, что Олеариус не просто переводит поучения Саади, а перестраивает их в соответствии с ожиданиями европейской аудитории XVII века. Особенно заметно это в тех случаях, где у Саади нравственный смысл остаётся открытым для размышления. Парадокс, ирония или краткий афористический намёк в немецкой версии часто заменяются ясным правилом поведения. В результате «Гулистан» сохраняет свою дидактическую основу, но в переводе приобретает более выраженный характер нравоучительной прозы. Эта тенденция раскрывается в следующих примерах.

Таблица 5.

Примеры дидактической трансформации афоризмов и притч Саади в переводе Олеариуса

Афоризм в «Гулистане»	Вариант в « <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Дидактическая трансформация	Комментарии по стратегии перевода
"به اتفاق خردمندان، سگ حق شناس به از آدمي ناسپاس" [Глава 8, с. 471] / букв.: по мнению мудрецов, благодарная собака лучше, чем	« <i>Es ist besser mit einem wilden Tier zusammenzusein als mit einem bösen Menschen</i> » [Глава 8, с. 156] / букв.: лучше быть с диким зверем вместе, чем со злым человеком.	Генерализация и упрощение. Замена конкретных моральных категорий «благодарность», «неблагодарность» на общее бинарное противопоставление:	Олеариус отказался от парадоксальной метафоры избегая использовать образ «собака» как положительного примера, что могло показаться нерелигиозным или низким для европейского читателя. Фокус смещается с морального

неблагодарный человек.		«дикий зверь» - «злой человек».	качества - благодарность на социальную опасность - злость.
<p>"اگر بمررد عدو جای شادمانی نیست، که زندگانی ما نیز جاودانی نیست [Глава 1, рассказ 38, с. 114] / букв.: если враг умрёт, это не место для ликованья, ведь и наша жизнь также не вечна.</p>	<p>«<i>Wie kan ich mich über den Todt meines Feindes frewen / wenn ich weiß / daß mein Leben nicht jimmer dāret / und ich auch davon muß?</i>» [Глава 1, рассказ 39, с. 97] / букв.: как я могу радоваться смерти моего врага, если я знаю, что моя жизнь не длится вечно и я также должен буду уйти?</p>	<p>Смещение акцента. Переход от констатации универсального философского закона: наша жизнь не вечна, к риторическому вопросу, сосредоточенному на личном страхе и самоограничении</p>	<p>Сохранение смысла с изменением структуры. Афоризм Саади (двустипшие) трансформируется в прозаическую цитату. Осознание собственной смерти как причина не радоваться чужой полностью сохранен. Разница в нумерации главы/рассказа обусловлена разной структуризацией текста Олеариусом</p>
<p>"عمر گرانمایه در این صرف شد، تا چه خورم صیف و چه پوشم شتا؟ ای شکم خیره، به نانی بساز، تا نکنی پشت به خدمت دو تا" [Глава 1, рассказ 36, с. 113] / букв.: драгоценная жизнь была потрачена на это, Думая о том, что я буду есть</p>	<p>«<i>In der Freyheit fein gefessen / Vnd in Ruh fein Brod gegefessen / Besser als im Dienste ffeben/ Vnd im gülden Gürtel gehen</i>» [Глава 1, рассказ 38, с.96] / букв.: лучше сидеть на свободе, И в покое есть свой</p>	<p>Редукция этического мотива до социальной антитезы. Замена мотива «отказа от алчности» на мотив «предпочтения свободы службе».</p>	<p>Фокус на внешней свободе. Саади фокусируется на внутреннем освобождении от алчности. Олеариус заменяет это на противопоставление внешних социальных состояний: «свобода и хлеб» против «служба и золотой пояс».</p>
<p>летом и что надену зимой? О, живот алчный, довольствуйся хлебом, чтобы не сгибать спину в поклоне.</p>	<p>хлеб, Чем стоять на службе, И ходить в золотом поясе.</p>		
<p>"هیچ صیقل نکو نخواهد کرد آهنی را که بدگهر باشد" [Глава 7, рассказ 1, с. 368] / букв.: никакая хорошая</p>	<p>«<i>Eifen / das zu nichts nicht daucht / Wird wol nimmer hell und klar / Ob man auch ein ganzes Jahr Stein</i></p>	<p>Метафора внутренней природы/неисправи мости. Сохранение метафоры.</p>	<p>Детализация процесса. Саади использует абстрактное <i>صیقل</i>- полировка. Олеариус конкретизирует процесс, используя <i>Stein und Feilen</i></p>

	полировка не исправит железо, имеющее дурную природу.	<i>und Feilen dran gebraucht»</i> [Глава 7, рассказ 1, с. 123] / букв.: железо, которое ни на что не годно, никогда не станет ясным и блестящим, даже если целый год использовать на нём камень и напильники.		- камень и напильники, что делает образ более наглядным и буквально описывает усилия, прилагаемые к негодному предмету. Смысл не изменен, но усилена дидактическая конкретика.
	"سگ بدریای هفتگانه بشوی، که چه تر شد، پلیدتر باشد" [Глава 7, рассказ 1, с. 368] / букв.: не мой собаку в семи морях, ибо, когда она намокнет, станет еще более нечистой	« <i>Der Hund wird von dem waschen nicht rein, Wenn er in sieben Meer'n auch waschen thut»</i> [Глава 7, рассказ 1, с. 123] / букв.: собака не станет чистой от мытья, даже если она будет мыться в семи морях.	Диаксия «внутреннее - внешнее», моральное обобщение. Сохранение смысла неисправимости дурной натуры.	Смягчение образа. Саади использует более сильный и парадоксальный образ: ...станет еще более нечистой – پلیدتر باشد. Олеариус использует простое отрицание: не станет чистой: <i>wird... nicht rein</i> , что соответствует более нейтральному и менее шокирующему дидактическому тону.

Источник: составлено автором на основе [Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schleßwig: Johann Holwein, 1654.]

Материалы таблицы показывают, что в переводе Олеариуса дидактическое содержание «Гулистана» сохраняется, но меняется способ его подачи. Нравственные идеи Саади, связанные с внутренней свободой, довольством малым, воспитанием, природой человека и культурой поведения, в немецкой версии получают более прямое и практическое выражение.

Особенно заметна эта трансформация в передаче мотива довольства малым. У Саади он связан с понятием қаноат, то есть с внутренней свободой человека, отказом от алчности и сохранением достоинства. У Олеариуса этот мотив переносится в более социальную плоскость: свобода и покой противопоставляются зависимости от службы и внешних знаков положения. Так духовно-этический смысл оригинала становится ближе к немецкому представлению о личной независимости и разумном выборе жизненного пути.

Сходный сдвиг наблюдается в афоризмах о воспитании и врождённой природе человека. Образы Саади, построенные на краткой метафоре и поэтической выразительности, у Олеариуса часто получают более наглядную и рациональную форму. Переводчик усиливает мысль о том, что дурная природа трудно поддаётся исправлению, и делает эту идею понятной через конкретные бытовые образы, например, через камень, напильник, дикого зверя или злого человека.

В примерах, связанных с этикетом и речевым поведением, Олеариус также усиливает наставительный тон. Ненавязчивое наблюдение Саади о культуре общения в немецкой версии превращается в более строгое правило поведения. Нарушение речевой меры трактуется не просто как недостаток воспитания, а как признак глупости и неразумности.

Таким образом, таблица подтверждает общий вывод раздела: Олеариус сохраняет нравственную направленность «Гулистана», но переводит её в систему более ясных и практически применимых правил. Суфийская глубина, поэтическая сжатость и образная многозначность Саади в ряде случаев уступают место немецкой барочной моралистике, где главное значение получают понятность, назидательность и воспитательная польза текста.

Таблица 5.

Примеры дидактической интерпретации притч Олеариусом

№	Афоризм в «Гулистане»	Вариант в «Persianischer Rosenthal»	Дидактическая интерпретация у Олеариуса	Комментарии
1	"بیده اهل طمع بنعمت دنیا پر نشود، همچنانکه چاه بشینم" [Глава 7. рассказ 19, с. 409] / букв.: глаза жадного богатством мира не наполнятся, так же, как колодец - росой	« <i>Es kundte dieser groffer elt Sein enges Aug auch mit der Welt Licht füllen: nun muß es voll werden Im Grabe mit der Hand voll Erden</i> » [Глава 7. рассказ 21, с. 140] / букв.: не смог этот великий муж, свой узкий глаз светом мира наполнить: теперь он должен наполниться в могиле горстью земли.	Наставление о конечности земной алчности. Единственное, что способно остановить ненасытную жадность (любовь к миру), это смерть. Урок практической морали о смирении перед роком и тлетворности богатства.	Олеариус использует историю об Александре Македонском, чтобы проиллюстрировать идею умеренности и довольства, которая является центральной в исламской этике, но подаёт её через европейскую эпитафийную традицию.
2	"هر بيشه گمان مير که خالیست، باشد که پلنگ خفته باشد" [Глава 1, рассказ 3, с. 36] / букв.: не думай, что каждый лес пуст, возможно, что тигр там спит.	« <i>Denck nicht daß jeder Busch / ob er schon klein / sey leer= Wie / wenn bißweilen auch ein Tyger drinnen wehr?</i> » [Глава 1, рассказ 4, с. 4] / букв.: не думай, что каждый куст, хотя он и мал, пуст; что, если там иногда таит ся и Тигр?	Урок осторожности и непредвзятости. Не следует судить о человеке или ситуации по внешнему виду или скромному положению; за кажущейся незначительностью может скрываться великая сила или опасность.	Афоризм усиливает дидактический эффект через метафору тигра - сила, опасность. Олеариус сохраняет эту метафору, подчёркивая важность разумного суждения и оценки потенциальной угрозы, что является уроком практической мудрости
3	"سخن را سر است ای خردمند و بُن، میاور سخن در میان سخن" [Глава 4, рассказ 7, с. 280] / букв.: у речи есть	« <i>Daß niemand mehr feine Thorheit / und Unbefonnenheit besser zuverstehen geben kan / als wenn er feine Rede anfanget / wenn ein</i>	Наставление в этике общения и терпении. Прерывание чужой речи - признак невежества и безрассудства <i>Thorheit/Unbefonnenhe</i>	Олеариус точно передаёт дидактический смысл Саади: соблюдение очередности в речи является ключевым показателем

начало, о мудрый, и конец, не вставляй речь среди другой речи!	<i>ander feine noch nicht geendet</i> [Глава 4, рассказ 7, с. 96] / букв.: что никто не может лучше дать понять свою глупость и безрассудство, как когда он свою речь начинает, когда другой свою ещё не закончил.	<i>it.</i> Урок вежливости и разумного поведения в обществе	воспитанности и мудрости. Он переводит позитивную формулу Саади в негативное утверждение, акцентируя внимание на том, как глупость проявляется
--	---	---	--

Источник: составлено автором на основе [Са’ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. *Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln* / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schließwig: Johann Holwein, 1654.]

Материалы таблицы показывают, что Олеариус последовательно усиливает назидательный характер текста Саади. В немецком переводе нравственная мысль чаще подаётся не через тонкое движение сюжета или образа, а через прямое правило поведения, понятное читателю XVII века. Так, мотив ненасытного глаза жадного человека у Саади связан с темой алчности и отсутствия внутренней меры. У Олеариуса этот мотив получает более выраженную связь с европейской традицией размышления о смерти: образ Александра Великого переводит нравственный урок в плоскость *memento mori*. Алчность осуждается не только как духовный недостаток, но и как проявление человеческой слепоты перед неизбежностью смерти. В примере с тигром, скрытым в малом кусте, Олеариус сохраняет образную силу оригинала, но делает вывод более прямым: нельзя судить о вещах только по внешнему виду. Притча становится уроком осторожности и трезвого суждения, важным как для частной жизни, так и для поведения в обществе. В примерах, связанных с речевым этикетом, немецкий переводчик усиливает оценочность. Если у Саади совет не перебивать собеседника сохраняет мягкую форму нравственного наблюдения, то у Олеариуса нарушение речевой меры прямо связывается с глупостью и безрассудством. Тем самым культура общения превращается в показатель разумности и воспитанности человека.

Отдельную группу составляют примеры о врождённой природе и воспитании. Саади показывает сложность человеческой природы через образы железа, собаки, осла и других сравнений. Олеариус сохраняет часть этих образов, но делает вывод более жёстким и практическим: дурная природа трудно поддаётся исправлению. В результате размышление о человеке превращается в более прямое правило нравственного и социального поведения.

Таким образом, таблица подтверждает, что Олеариус не просто переводит дидактику Саади, а перестраивает её в соответствии с ожиданиями немецкой барочной культуры. Восточная притча в его переводе часто становится кратким и ясным наставлением. Это делает «Гулистан» доступным для европейского читателя XVII века, но одновременно ослабляет часть поэтической гибкости и смысловой открытости оригинала.

В разделе 3.4. «Репрезентация суфийской тематики “Гулистана” в переводе Олеариуса: особенности передачи суфийских идей и образов» рассматривается, как в немецкой версии передан суфийский пласт произведения Саади. В диссертации подчёркивается, что в «Гулистане» нравственное наставление тесно связано с поэтической формой и духовной традицией. Суфийские идеи проявляются не только в отдельных терминах, но и в образах пути, света, сада, духовной любви, самоотречения, внутреннего знания и смирения.

В работе показано, что при переводе в протестантскую культурную среду XVII века многие суфийские смыслы получают более общее нравственно-дидактическое толкование.

Олеариус стремится сделать текст понятным немецкому читателю, поэтому мистические и философские оттенки оригинала нередко ослабляются, а сложные духовные понятия передаются через более привычные европейской культуре категории веры, смирения, добродетели, благоразумия и нравственного поведения.

Особое внимание уделяется тому, как в «*Persianischer Rosenthal*» переданы ключевые суфийские понятия: таухид, фана, маърифат, адаб, факр, зикр, ихлас, а также связанные с ними образы пути, света, сада и духовной любви. Анализ показывает, что эти категории в немецком переводе редко сохраняют всю полноту исходного мистического содержания. Так, таухид чаще сближается с представлением о Божьей воле или Божественном провидении; фана передаётся через идею смирения; маърифат – через знание или познание; адаб – через добродетель, воспитанность или правила поведения. Такое переосмысление не является случайным. Оно связано с тем, что Олеариус переводил «Гулистан» для аудитории, воспитанной в иной религиозной, философской и литературной традиции. Поэтому суфийские смыслы в его переводе часто не исчезают полностью, но меняют форму выражения: духовная многозначность Саади становится более ясным нравственным наставлением, соответствующим ожиданиям немецкой барочной культуры.

Для систематизации этих наблюдений в диссертации сопоставляются фрагменты персидского оригинала, немецкий перевод Олеариуса и основные типы смысловой трансформации. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 6.

Адаптация суфийских образов в переводе Олеариуса

№	Суфийский концепт в «Гулистане»	Перевод в « <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Уровень редукции	Комментарии
1	فَنَاءٌ - самоотвержение растворение эго	<i>Von der Abkehr von weltlichen Leidenschaften</i>	Полная редукция	Мистическое «растворение» в Боге заменено на понятную европейской этике «отстранённость» от мирского, превращая мистику в нравственно-этический совет: отказ от греха/страсти
2	مَعْرِفَاتٌ - богоузнавание	<i>Erkenntnis Gottes</i>	Частичная редукция	Исходный термин подразумевает интуитивное, мистическое знание/опыт. Перевод «познание Бога» смещает акцент к рационально-религиозной теологии или знанию из Писания, утрачивая мистическую глубину
3	تَزْكِيَةٌ - внутреннее очищение	<i>Reinigung des Herzens</i>	Частичная редукция	Термин تَزْكِيَةٌ (очищение <i>нафса</i> - души/эго) включает эзотерические практики. Олеариус сохраняет нравственный аспект: сердце как центр морали, но игнорирует специфическую суфийскую методологию очищения.
3	گل و باغ - духовная гармония	<i>Garten der Tugenden</i>	Полная редукция	Центральные суфийские аллегории, связанные с раем,

				духовным наслаждением и тайной, перефразированы нравоучительно <i>Garten der Tugenden</i> - сад добродетелей. Теряется мистическая символика в пользу моральной дидактики.
4	مشايخ و درويشان образы подвижников и шейхов	<i>Aphorismen mit moralischem Unterton</i>	Частичная (семантическая редукция)	Фигуры суфийских подвижников: носителей <i>халь</i> - мистического состояния, в тексте Олеариуса часто лишаются своего мистического контекста и становятся нравоучительными примерами - <i>Moralexempel</i> для иллюстрации светской или общехристианской добродетели.
5	طريق - Путь к истине	<i>Pfad der Tugend</i>	Полная редукция	طريق - это конкретный мистический путь к Богу/Истине. Перевод олеариуса « <i>Pfad der Tugend</i> » нивелирует теологический и мистический аспект, сводя его к общепринятой нравственной категории - добродетель, понятной в европейском религиозном контексте.
6	- نور Божественный свет, внутренний свет / озарение	<i>Erleuchtung des Verstandes</i>	Частичная редукция	نور в суфизме - это Божественный свет, дар, вызывающий мистический опыт. Олеариус трансформирует это в рациональное озарение или понимание - <i>Verstand</i> - разум, интеллект, подчёркивая протестантский акцент на разуме.
7	- مَحَبَّة любовь как духовная энергия	<i>Andächtige Liebe</i>	Частичная редукция	Суфийская مَحَبَّة - всеобъемлющая, мистическая, экстагическая любовь к Творцу. Олеариус переводит её как « <i>Andächtige Liebe</i> », что означает благоговейное нравственное чувство - почтительность, набожность, делая её более приемлемой и понятной европейскому читателю без экстремальных мистических коннотаций

Источник: составлено автором на основе [Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и

Материалы таблицы показывают, что в переводе Олеариуса суфийские понятия и образы чаще всего получают более общее нравственно-дидактическое толкование. Переводчик стремится сделать текст понятным немецкому читателю XVII века, поэтому сложные духовные категории «Гулистана» нередко передаются через привычные для европейской культуры представления о смирении, добродетели, благоразумии, умеренности и мудрости.

Особенно заметно это в передаче понятий, связанных с любовью, самоотречением и внутренним знанием. Мотив ишк, который в суфийской традиции связан с духовной любовью и стремлением к Божественному, у Олеариуса сближается с более общими представлениями о дружбе, привязанности или нравственной верности. Фано и зухд, выражающие отказ от эго и от мирской привязанности, чаще получают форму смирения, скромности или умеренности. Маърифат, связанная с внутренним духовным знанием, переводится через понятия знания, мудрости или разумного познания.

В ряде примеров это приводит к изменению самого способа прочтения текста. Там, где у Саади образ или притча сохраняют суфийскую многозначность и требуют внутреннего толкования, немецкая версия чаще предлагает ясный нравственный урок. Так, мотивы факр, молчания, служения и адаб в переводе Олеариуса получают более практическое значение: бедность понимается как скромность, молчание – как признак мудрости, служение людям – как нравственный долг, адаб – как воспитанность и самодисциплина.

Показательным является анализ рассказа из пятой главы «Гулистана», где у Саади речь идёт не только о внешнем поведении благочестивого человека, но и о внутреннем испытании, смирении и преодолении собственного эго. В немецком переводе этого рассказа, соответствующем главе 5, рассказу 11, сохраняется фабула и общий нравственный смысл, однако сложная суфийская символика передаётся более просто и назидательно⁷⁷. Образы духовного испытания, любви, забвения и очищения сердца переводятся в плоскость морального поведения и житейской мудрости.

Следовательно, таблица подтверждает общий вывод раздела: Олеариус не устраняет суфийский пласт «Гулистана» полностью, но существенно меняет способ его выражения. Мистические категории в немецкой версии становятся более рациональными и нравственно-практическими. Благодаря этому текст Саади становится доступным для немецкого читателя XVII века, но часть его духовной, образной и суфийской глубины при этом ослабляется.

Таблица 7.

Трансформация суфийских концепций в ходе морализации и этизации их содержания

№	Суфийский термин	Перевод в « <i>Persianischer Rosenthal</i> »	Оригинальное значение в «Гулистане»	Комментарий
1	ادب - adab	Anstand - приличие	Этика духовной утончённости, ритуальной дисциплины и внутреннего самоограничения	Не уточняется духовный аспект, ограничивается светской нормой поведения
2	معرفت - ma'rifat	Erkenntnis - познание	Интуитивное познание Бога, мистическое озарение	Без разграничения между рациональным и мистическим знанием

⁷⁷ Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959. – С. 107.

3	صبر - sabr	Geduld - терпение	Активное терпение как духовная практика	Не раскрыта активная составляющая духовной добродетели
---	------------	-------------------	---	--

Источник: составлено автором на основе [Са'ди. Гулистан / Саади; критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева. – Москва: Издательство восточной литературы, 1959] и [Saadi. Persianischer Rosenthal: In welchem viel lustige Historien, scharffsinnige Reden und nützliche Regeln / Schich Saadi; übers. von Adam Olearius. – Schlefzig: Johann Holwein, 1654.]

Материалы таблицы показывают, что в переводе Олеариуса суфийские понятия и образы получают более рациональное и нравственно-практическое толкование. Там, где у Саади важны внутреннее переживание, мистический опыт и духовная многозначность, немецкий перевод чаще предлагает более понятную для читателя XVII века форму: знание, мудрость, смирение, добродетель, умеренность и нравственное поведение. Такая передача была связана с условиями эпохи, уровнем европейских знаний о суфизме и задачей сделать «Гулистан» доступным для немецкой аудитории. Поэтому перевод Олеариуса содержит как удачные решения, позволившие ввести Саади в европейское чтение, так и неизбежные упрощения при передаче специфических суфийских идей. В этом отношении «Persianischer Rosenthal» представляет интерес как один из ранних опытов европейского освоения персидской духовной и литературной традиции.

Проведённый в третьей главе анализ позволяет сделать вывод, что перевод Олеариуса не является механической передачей текста Саади. В немецкой версии «Гулистан» получает новую художественную и дидактическую форму, связанную с нормами барочной словесности. Саж, внутренняя ритмическая организация, образная сжатость и многозначная метафорика оригинала в ряде случаев заменяются более линейной, ясной и назидательной прозой.

Дидактическая структура произведения также меняется. У Саади нравственный смысл часто раскрывается через притчу, образ, иронию и открытость толкования. У Олеариуса он чаще оформляется как прямое правило поведения. Поэтому немецкий перевод усиливает воспитательную функцию текста и сближает «Гулистан» с европейской традицией морально-назидательного чтения.

Наиболее заметные изменения связаны с передачей суфийского пласта произведения. Такие понятия, как фана, маърифат, таухид, адаб и другие категории духовного опыта, в немецкой версии получают более общее нравственное или рациональное толкование. Суфийская глубина оригинала при этом не исчезает полностью, но заметно ослабляется и переходит в форму, более близкую протестантской этике и немецкой барочной моралистике.

Таким образом, в третьей главе установлено, что «Persianischer Rosenthal» является самостоятельной формой европейской рецепции «Гулистана». Олеариус сохраняет основной нравственный смысл произведения, но перестраивает его стиль, жанровую организацию и духовную проблематику в соответствии с ожиданиями немецкого читателя XVII века. Благодаря этой адаптации текст Саади вошёл в европейскую литературную культуру, хотя часть его поэтической и суфийской многозначности была ослаблена.

В четвёртой главе «**Значение перевода Адама Олеариуса для европейской рецепции “Гулистана” Саади и развития межкультурного диалога**» рассматривается историко-культурная роль немецкого перевода «Persianischer Rosenthal» 1654 года в последующем восприятии Саади в Европе. В диссертации показано, что перевод Олеариуса стал одним из важных этапов включения персидской классической литературы в европейский интеллектуальный и литературный оборот XVII века. В главе подчёркивается, что интерес европейского читателя к «Гулистану» был связан не только с его восточным происхождением, но и с особенностями самого произведения. Притчевая форма, афористичность, нравственная направленность и философская обобщённость текста Саади оказались близки европейской культуре, в которой возростала потребность в кратких и

выразительных формах морального высказывания. Перевод Олеариуса сделал эти особенности доступными немецкой аудитории, адаптировав их к нормам барочной словесности.

Особое внимание уделяется тому, что «Persianischer Rosenthal» не был изолированным переводческим опытом. Он возник на фоне уже существовавшего интереса к Востоку и одновременно повлиял на дальнейшее восприятие персидской литературы в Европе. В работе рассматривается связь перевода Олеариуса с развитием ранней ориенталистской филологии, с европейской традицией нравоучительной прозы и с формированием устойчивого интереса к Саади как автору, чьи мысли могли быть соотнесены с европейскими представлениями о мудрости, добродетели и человеческом поведении.

В диссертации выделяются три основные линии значения перевода Олеариуса: его роль в расширении европейских знаний о персидской словесности; его участие в становлении научного интереса к восточным текстам; его влияние на восприятие «Гулистана» как произведения, обладающего не только литературной, но и нравственно-философской ценностью. Такой подход позволяет рассматривать немецкий перевод не просто как факт истории перевода, а как важную форму литературного посредничества между персидской и европейской традициями.

Также анализируются условия, в которых «Гулистан» воспринимался в Европе до появления перевода Олеариуса, а также те формы рецепции, которые подготовили успех немецкой версии. Показано, что труд Олеариуса закрепил за Саади образ восточного мудреца и моралиста, чьи наставления могли быть прочитаны вне узкого профессионального контекста и включены в европейскую культуру нравственного чтения.

Таким образом, в четвёртой главе перевод Олеариуса рассматривается как значимый этап европейской рецепции «Гулистана». Его значение состоит в том, что он придал тексту Саади устойчивую форму существования в немецкой литературной среде XVII века и подготовил дальнейший интерес Европы к персидской классической литературе. При этом «Persianischer Rosenthal» выступает не только как перевод восточного памятника, но и как свидетельство того, как персидская нравственно-философская традиция была воспринята, переосмыслена и включена в европейский литературный контекст.

В разделе 4.1. **«Влияние перевода Адама Олеариуса на формирование европейских представлений о “Гулистане” Саади и персидской литературе»** рассматривается роль «Persianischer Rosenthal» в закреплении интереса европейской культуры к Саади и персидской классической словесности. В диссертации показано, что перевод Олеариуса стал одним из важных этапов перехода от фрагментарного восприятия восточных текстов к более внимательному филологическому и литературному изучению персидской традиции.

Особое значение имел личный опыт Олеариуса, связанный с участием в посольстве в Персию в 1635–1639 годах. Благодаря этому опыту «Гулистан» был воспринят им не как отвлечённая книжная редкость, а как произведение, связанное с живой культурной, языковой и нравственной средой. В немецком переводе Саади предстаёт не просто как представитель далёкой восточной литературы, а как автор, чьи поучения могут быть поняты и оценены европейским читателем.

В работе выделяются три основных направления адаптации, характерные для перевода Олеариуса. Во-первых, он сохраняет часть восточных реалий и терминов, чтобы не лишить текст его культурной специфики. Во-вторых, он подчёркивает универсальность нравственных поучений Саади, сближая их с европейскими представлениями о добродетели, благоразумии и человеческом поведении. В-третьих, он адаптирует отдельные метафоры и образы к риторическим ожиданиям немецкого читателя XVII века. Благодаря такому сочетанию «чужого» и «понятного» Саади получает в Европе образ восточного мудреца и нравственного наставника.

В разделе также показано, что перевод Олеариуса способствовал более ясному восприятию жанровой организации «Гулистана». Европейский читатель получил не случайный набор восточных изречений, а структурированное произведение, в котором сочетаются притча, афоризм, поэтическая вставка и нравственное рассуждение. Это было важно для дальнейшего включения персидской литературы в поле сравнительного литературоведения и истории художественного перевода. Отдельное внимание уделяется тому, что «*Persianischer Rosenthal*» стал одним из текстов, через которые в Европе закреплялось представление о персидской словесности как о традиции, обладающей собственной эстетикой и этикой. Хотя в переводе Олеариуса суфийская и аллегорическая глубина «Гулистана» во многом упрощалась, именно такая адаптированная форма сделала произведение доступным для более широкого круга европейских читателей и подготовила почву для последующего интереса к Саади в европейской литературе.

Подчёркивается, что значение перевода Олеариуса состоит не только в передаче текста на немецкий язык. Его труд помог сформировать устойчивый образ Саади как автора, соединяющего поэтическую выразительность, житейскую мудрость и нравственное наставление. Поэтому «*Persianischer Rosenthal*» рассматривается как важное звено в истории европейской рецепции «Гулистана» и один из ранних примеров литературного посредничества между персидской и немецкой культурными традициями.

В разделе 4.2. «**Перевод Олеариуса в контексте ранней европейской переводческой традиции “Гулистана”**» рассматривается место «*Persianischer Rosenthal*» среди ранних европейских переводов и интерпретаций произведения Саади. В диссертации показано, что перевод Олеариуса возник на пересечении нескольких традиций: латинской академической филологии, французской литературной адаптации и описательной практики европейских путешественников XVII века. Особое внимание уделяется сопоставлению латинского перевода Георга Гентиуса 1651 года и немецкой версии Олеариуса 1654 года. В работе отмечается, что перевод Гентиуса был ориентирован прежде всего на учёную аудиторию и сохранял академический характер подачи материала. Олеариус, напротив, стремился сделать Саади доступным более широкому кругу образованных немецких читателей. Поэтому его перевод отличается большей литературной ясностью, риторической упорядоченностью и ориентацией на нравоучительное чтение.

Выделяются основные принципы переводческой стратегии Олеариуса. Во-первых, он выступает как посредник между персидским текстом и немецкой читательской средой, учитывая уровень подготовленности своей аудитории. Во-вторых, он переформирует материал «Гулистана» по нормам европейской книжной культуры XVII века: усиливает композиционную ясность, логическую связность и дидактическую направленность текста. В-третьих, он адаптирует отдельные суфийские и этические мотивы Саади к системе представлений, близких протестантской морали, где важны труд, умеренность, ответственность и практическая польза нравственного наставления.

Рассматривается также проблема жанровой природы «Гулистана». Олеариус стремился передать содержание произведения так, чтобы сочетание прозы, стихов, притч и афоризмов было понятно немецкому читателю. Поэтому часть стихотворных вставок в его переводе получает прозаическую форму. Такое решение позволяло сохранить основной дидактический смысл текста, хотя при этом часть поэтической выразительности оригинала ослаблялась.

Отдельно подчёркивается текстологическая сторона работы Олеариуса. В предисловии к переводу он обращает внимание на различия в рукописной традиции «Гулистана» и на трудности передачи многозначной персидской лексики. Это позволяет рассматривать его труд не только как литературную адаптацию, но и как ранний опыт филологической работы с восточным текстом.

В диссертации обосновано, что успех перевода Олеариуса был связан с его включением в привычные для европейского читателя жанровые модели: нравоучительные примеры, сборники моральных наставлений и традицию «зерцал для государей». Особенно

важной в этом отношении стала первая глава «Гулистана» – «О нравах царей», поскольку она легко соотносилась с европейскими представлениями о власти, справедливости и нравственной ответственности правителя.

Таким образом, в разделе 4.2. перевод Олеариуса рассматривается как важное звено между ранними европейскими переводами «Гулистана» и последующей рецепцией Саади в Европе. Его значение состоит в том, что он соединил филологическую работу, литературную адаптацию и ориентацию на нравственные запросы немецкого читателя XVII века. Благодаря этому «*Persianischer Rosenthal*» стал одной из заметных форм включения персидского текста в европейскую культуру раннего Нового времени.

Раздел 4.3. «**Перевод Олеариуса и формирование межкультурного диалога между Европой и Персией**» даёт возможность ознакомиться с исследованием роли Олеариуса как одного из первых «культурных медиаторов» в истории европейского ориентализма. Диссертант доказывает, что издание «*Persianischer Rosenthal*» вывело восприятие Востока за рамки экзотизма, превратив персидский текст в инструмент равноправной интеллектуальной коммуникации.

В работе показано, что Олеариус создал зону «смысловой соизмеримости» между европейской протестантской морально-рациональной парадигмой и персидской этико-образной традицией. Автор обосновывает, что перевод Олеариуса трансформировал эпистемологический горизонт европейского читателя. В этом контексте мудрость Саади стала восприниматься не как догматическая схема, а как живой опыт, переданный через притчу и афоризм.

Автором выявлен уникальный для XVII века метод Олеариуса, сочетающий: контекстуальное понимание – работа с информантами-носителями языка и изучение восточных рукописей и риторическую адаптацию - трансляция смыслов в категориях немецкой барочной словесности. Это позволило переводчику соблюсти баланс между верностью оригиналу и ясностью изложения.

Автор доказывает, что перевод Саади стал формой параллельного разговора о природе власти. В контексте Европы после Тридцатилетней войны идеи Саади о справедливости, милосердии и совете мудреца были восприняты как созвучные западным дискуссиям о легитимности государства. «Гулистан» в этом ракурсе предстал не как описание «восточной деспотии», а как зрелая политическая философия.

Подчёркивается, что Олеариус успешно транслировал эмпатическую оптику Саади. Через описание «малых форм» поведения - гостеприимство, деликатность, уважение к слабому, европейский читатель увидел в восточном человеке не «чужака», а равного себе.

Перевод Олеариуса продемонстрировал, что персидская мысль далёкого XIII века обладала гуманистической глубиной и интеллектуальной зрелостью задолго до европейской эпохи Просвещения, что ставило под сомнение вертикаль цивилизационного превосходства, подрывая убеждённость в иерархическую модель «прогрессивного Запада» и подчёркивая самодостаточность восточной культурной традиции.

Перевод А. Олеариуса 1654 года определяется как «гостеприимство смысла» - первая в раннемодерной Европе модель диалогической герменевтики. Деятельность Олеариуса вышла за рамки филологической задачи, заложив фундамент для академической ориенталистики и сравнительного литературоведения XVIII–XIX веков. Благодаря его труду «Гулистан» стал не просто книгой о чужих нравах, а полноправным участником европейской интеллектуальной дискуссии о человеке и обществе.

Концептуально перевод Олеариуса предстаёт как пространства смысла – первая в раннемодерной Европе модель диалогической герменевтики. Деятельность Олеариуса не ограничилась филологической адаптацией, она выстроила интеллектуальный фундамент для академической ориенталистики и сравнительного литературоведения последующих эпох. Благодаря этому переводу «Гулистан» Саади вошел в европейский дискурс как полноправный субъект размышлений о человеке и устройстве общества.

Последний, **четвёртый раздел четвёртой главы** диссертации «**«Гулистан» Саади и наследие Олеариуса в современном мире»** посвящён анализу рецепции «Гулистана» в интеллектуальном пространстве XXI века и оценке вклада Адама Олеариуса с позиций современной гуманитаристики. Автор рассматривает «Гулистан» Саади не как статичный литературный памятник, а как динамичный, живой «этический архив», сохраняющий актуальность в условиях глобальных вызовов современности.

В этом плане рассматривается универсализм Саади как фундамент глобальной этики. В исследовании обосновывается, что «Гулистан» выступает носителем общечеловеческой этики солидарности. Широко известная ключевая метафора Саади о человечестве как «едином теле» анализируется как префигурация современных концепций прав человека и взаимной ответственности. Автор доказывает, что гуманистический пафос Саади Ширази в XXI-ом веке трансформируется из суфийской дидактики в актуальный ресурс для преодоления культурной изоляции.

В контексте эстетико-дидактического синтеза как фактор долговечности выявлено, что уникальная долговечность и устойчивость «Гулистана» во времени обусловлена его особой жанровой природой – «эрудированной простотой» - *ممتنع سهل*. Сочетание лаконичной прозы и афористической поэзии создаёт особую структуру, легко поддающуюся адаптации. Автор подчёркивает, что именно эта гибкость формы позволила тексту беспрепятственно интегрироваться в другие культурные системы начиная от конфуцианской этики в Китае до педагогических трудов Л.Н. Толстого в России.

Рассматривая национальные модели рецепции и «диалог в большом времени» автор сопоставляет три модели освоения наследия Саади:

1. Китайская модель - интеграция в систему конфуцианской морали и исламской этики.
2. Русская модель – рецепция Л.Н. Толстым как поиск «универсального катехизиса» для народной аудитории.
3. Западноевропейская модель - переход от «естественной морали» эпохи Просвещения к академическому ориентализму. Доказано, что в каждом случае текст «Гулистана» Саади раскрывает новые смыслы благодаря «внезаходимости» (по М. Бахтину) воспринимающей культуры.

Подчёркивая историко-научный статус наследия Адама Олеариуса, диссертант пересматривает его роль, переводя её из категории «устаревшего посредничества» в статус фундаментального исторического прецедента. Он считает, что труд Олеариуса выполнил роль «интеллектуального зонда», который:

1. Продемонстрировал Европе наличие на Востоке высокой словесной культуры, соизмеримой с античной.
2. Смог сформулировать эмпирическую базу для перехода от эпизодических путевых заметок к системному академическому изучению персидского языка в Европе.
3. Зафиксировал ранние стратегии доместикации и границы межкультурного понимания эпохи барокко.

В заключении раздела автор формулирует вывод о том, что наследие Адама Олеариуса в настоящее время - это прежде всего документ «риска и цены» культурного посредничества. Невзирая на неизбежные искажения XVII века, деятельность Олеариуса признается актом признания инаковости, открывшим путь к современному формату межкультурного диалога.

«Гулистан» Саади в современном мире функционирует как глобальный классический текст, преодолевающий границы национального канона. Наследие Адама Олеариуса, в свою очередь, является ярким, неотъемлемым элементом «биографии» «Гулистана», представляя собой начальную точку долгосрочного процесса, в котором Восток перестал быть объектом описания и стал равноправным партнёром в общечеловеческом этическом поиске.

Резюмируя анализ четвёртой главы автор подчёркивает институциональную значимость фигуры Адама Олеариуса, так как его деятельность знаменовала собой

переходный этап от фрагментарных сведений путешественников к системному освоению восточной словесности. Невзирая на отсутствие в XVII веке устоявшейся ориенталистской методологии, Олеариус сумел превратить перевод «Гулистан» из сугубо филологической задачи в инструмент концептуализации Востока. Его перевод стал точкой отсчёта для рождения европейской ориенталистики как академической дисциплины.

Несомненно, на начальном этапе трансфера литературных форм неизбежно происходит редукция художественной сложности оригинала. Олеариус применял доместицирующие стратегии – замещение суфийской метафоры рационализированными конструкциями, стремясь выделить моральную составляющую, понятный немецкой аудитории. Именно эта первичная адаптация, жертвовавшая эстетическим изяществом – *саджем* ради этической ясности, обеспечила «Гулистану» вход в европейский интеллектуальный контекст.

Автор работы проследил динамику восприятия «Гулистана» от XVII до XIX века, от первых иллюстративных извлечений в составе травелогов до создания глубоких филологических трудов. Этот путь отражает общее усложнение европейского взгляда на Восток – от поиска экзотической дидактики к признанию Саади как суверенного и классического автора мирового масштаба.

Также обосновано, что актуальность Саади в XXI-ом веке зиждется на антропологической глубине его образов и универсальности этических интуиций. Текст «Гулистана» признается уникальной развивающейся структурой, способной выдерживать множественные культурные «перевоплощения» – в русской, немецкой, китайской и других традициях, при этом не теряя своего гуманистического ядра.

Автором сформулирован фундаментальный вывод о природе успешного перевода в контексте культурного посредничества. Его эффективность определяется не абсолютной лингвистической точностью, а способностью запустить бесконечную цепь интерпретаций. В этом плане перевод Олеариуса признается фундаментальным не по критерию филологической полноты, а по силе оставленного после себя культурного следа.

Четвертая глава представленной диссертации демонстрирует, что перевод Адама Олеариуса стал не конечной, а отправным пунктом в истории встречи двух разных культур. Если Олеариус обеспечил вхождение Саади в европейское сознание, то последующие века закрепили за «Гулистаном» статус мирового литературного канона, сделав его живым медиатором в межкультурном диалоге.

В **заключении** диссертации обобщены основные результаты исследования и сформулированы выводы о роли перевода Адама Олеариуса «*Persianischer Rosenthal*» в европейской рецепции «Гулистана» Саади.

Проведённое исследование показало, что перевод Олеариуса занимает особое место в истории восприятия персидской классической литературы в Европе XVII века. Он не сводится к простой передаче текста Саади на немецкий язык, а представляет собой форму литературной адаптации, в которой персидский оригинал был включён в жанровую, стилистическую и нравственно-дидактическую систему немецкой барочной культуры.

Установлено, что европейская рецепция «Гулистана» формировалась под влиянием нескольких факторов: расширения дипломатических и торговых связей с Востоком, развития раннего востоковедения, интереса к нравоучительной литературе и потребности европейской культуры в универсальных формах этического высказывания. В этом контексте «Гулистан» был воспринят не только как памятник восточной словесности, но и как произведение, содержащее нравственные идеи, понятные европейскому читателю.

В диссертации выявлено, что перевод Олеариуса изменяет жанровую организацию текста Саади. Многослойная структура оригинала, соединяющая притчу, афоризм, поэтическую вставку, рифмованную прозу и нравственное наставление, в немецкой версии получает более упорядоченную и дидактически выраженную форму. Олеариус сохраняет основное этическое содержание «Гулистана», но часто передаёт его через ясные моральные формулы, соответствующие ожиданиям немецкого читателя XVII века.

Особое значение имеет вывод о стилистической трансформации произведения. В переводе Олеариуса садж, внутренняя ритмическая организация, образная сжатость и суфийская многозначность оригинала в ряде случаев уступают место более линейной, логически выстроенной и назидательной прозе. Это не означает полной утраты художественной ценности текста, но показывает, что немецкая версия «Гулистана» функционирует уже в другой литературной системе.

В работе также установлено, что суфийские понятия и образы Саади в переводе Олеариуса получают более общее нравственно-практическое толкование. Такие категории, как фана, маърифат, таухид, адаб и другие элементы духовного опыта, в немецкой версии нередко сближаются с представлениями о смирении, мудрости, добродетели, умеренности и правильном поведении. Благодаря этому текст стал понятнее европейской аудитории, хотя часть его исходной мистической и поэтической многозначности была ослаблена.

Сравнение перевода Олеариуса с ранними европейскими версиями «Гулистана» позволило определить его место в переводческой традиции XVII века. В отличие от латинской академической версии Гентиуса и французской литературной адаптации дю Рье, немецкий перевод Олеариуса ориентирован на соединение филологической работы, литературной ясности и нравоучительной направленности. Это обеспечило ему важную роль в дальнейшем восприятии Саади в немецкой и шире европейской культуре.

Таким образом, основным результатом исследования является вывод о том, что «Persianischer Rosenthal» представляет собой самостоятельную форму европейской рецепции «Гулистана». Перевод Олеариуса сохраняет главные нравственные идеи Саади, но перестраивает их жанровое, стилистическое и духовно-символическое выражение в соответствии с нормами немецкой барочной словесности. Именно это позволяет рассматривать данный перевод как важный этап включения персидской классической литературы в европейское литературное и интеллектуальное пространство XVII века.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более широким сравнительным изучением европейских переводов «Гулистана» XVII–XVIII веков. Особый интерес представляет сопоставление немецкой, французской, латинской, английской и других европейских версий произведения, поскольку каждая из них по-своему переосмыслила жанровую природу, афористичность, дидактику и духовную проблематику текста Саади.

Дальнейшего изучения требует также влияние персидской классической литературы на европейскую морально-философскую и художественную традицию. В этом отношении перспективным является сопоставительное исследование рецепции Саади, Хафиза, Руми и других авторов восточной словесности в европейской литературе Нового времени.

Отдельным направлением может стать разработка комплексной методологии анализа межкультурного литературного перевода, объединяющей текстологический, сравнительно-литературный, стилистический, рецептивный и культурно-исторический подходы. Такая методология позволит точнее описывать не только передачу текста с одного языка на другой, но и изменение его жанровой формы, образной системы и ценностного содержания в новой культурной среде.

Практическая значимость дальнейших исследований заключается в возможности использования материалов о европейской рецепции «Гулистана» в курсах по сравнительному литературоведению, истории персидско-таджикской классической литературы, переводоведению, истории зарубежной литературы и межкультурной коммуникации.

В целом результаты диссертации подтверждают, что «Гулистан» Саади в переводе Адама Олеариуса стал важным примером раннего литературного взаимодействия Востока и Европы. Его немецкая версия показывает, как классический восточный текст, проходя через перевод и культурную адаптацию, приобретает новую форму существования, сохраняя при этом основное нравственное содержание.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография

1. Сарахонзода, М.С. «Гулистан» Саади в восприятии Адама Олеариуса: монография / М.С. Сарахонзода. – Душанбе: Изд-во ТНУ, 2026. – 212 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации

1. **Карахонов, М.С.** Немецкие литературоведы и произведения Саади «Гулистан» // Вестник педагогического Университета. – 2015. – №6-2 (67). – С. 216-219
2. **Карахонов, М.С., Мадиева У.** История перевода произведения Саади «Гулистан» в Европе // Вестник педагогического Университета. – 2015. – №6-2 (67). – С. 198-200
3. **Карахонов, М.С.** Гулистан и «Персидское описание путешествий» // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2023. – № (10). – С. 253-259
4. **Карахонов, М.С.** Адам Олеариус и возникновение перевода Гулистана // Словесность научный журнал института языка и литературы имени Рудаки национальной академии наук Таджикистана. – 2024. – №3 (47). – С. 179-189
5. **Карахонов, М.С.** Сопоставительный анализ немецких и русских переводов «Гулистан» - а Саади с текстом оригинала // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2024. – № (9). – С. 306-313
6. **Карахонов, М.С.** Художественная проза и стихотворное приложение Гулистана Саади в переводе Адама Олеариуса. // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2024. – № (10). – С. 313-320
7. **Сарахонзода, М.С.** Пропущенные истории Гулистана в персидской долине роз Олеариуса // Вестник таджикского национального университета, Серия филологических наук. – 2025. – №1. – С. 243-250
8. **Сарахонзода, М.С.** Дидактические особенности притч «Гулистан»-а Саади в восприятии немецкого переводчика Адама Олеариуса // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2025. – № (2). – С. 236-243
9. **Сарахонзода, М.С.** Суфийское поведение в «Гулистане» в восприятии европейских переводчиков // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2025. – № (3). – С. 257-262
10. **Сарахонзода, М.С.** Влияние Саади на литературу Германии // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2025. – № (6). – С. 210-216
11. **Сарахонзода, М.С.** Формирование представлений о персидской литературе и культуре в европейском сознании XVII века // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2025. – № (7). – С. 158-166
12. **Сарахонзода, М.С.** Интерес европейской культуры XVII века к востоку: исторические, политические и культурные предпосылки // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2025. – № (8). – С. 135-141

13. Сарахонзода, М.С. Принципы перевода Адама Олеариуса (текстологический анализ перевода «Гулистан»-а Саади) // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2026. – № 1. – С. 83-90

14. Сарахонзода, М.С. Перевод «Гулистан»-а Олеариуса: формирование межкультурного диалога между Европой и Персией // Словесность научный журнал института языка и литературы имени Рудаки национальной академии наук Таджикистана. – 2026. – №1 (54). – С. 131-141

15. Сарахонзода, М.С. Перевод Олеариуса в контексте ранней европейской переводческой традиции «Гулистана» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Том 19. Выпуск 3. – 2026. – С. 1102-1111

16. Сарахонзода, М.С. «Гулистан» Саади и наследие Олеариуса в современном мире // Научный журнал «Учёные записки». Серия гуманитарно-общественных наук. – 2026. – №1 (86). – С. 211-216

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК Республики Таджикистан**

17. Карахонов, М.С. «Гулистан» – сад удовольствий всего мира // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – 2024. – № 4 (56). – С. 226-234

18. Сарахонзода, М.С., Косимзода, С.С. Сравнительный анализ немецкого перевода Адама Олеариуса «Гулистан»-а Саади с текстом рукописного оригинала (проблема степени адекватности) // Вестник Кулябского Государственного Университета имени Абуабдуллох Рудаки. Серия исторические и археологические, педагогические и филологические науки. – 2024. – № 4-2 (37). – С. 145-155

19. Сарахонзода, М.С. Суфийская любовь в «Гулистане» Саади в восприятии европейских переводчиков // Вестник Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2025. – №2 (115). – С. 148-154

20. Сарахонзода, М.С. Развязка лаконизма Саади // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – 2025. – №2 (58). – С. 330-339

21. Сарахонзода, М.С. Лингвокультурологические особенности перевода Адама Олеариуса: Отражение европейского мировоззрения и культурных реалий // Вопросы гуманитарных наук, национальная академия наук Таджикистана, Институт гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова. – 2025. – №3. – С. 114-129

22. Сарахонзода, М.С. Тема любви в произведениях Саади в интерпретации европейских переводчиков // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – 2025. – №3 (59). – С. 112-118

23. Сарахонзода, М.С. Рецепция «Гулистан»-а Саади в XVII веке в Германии // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – 2025. – №4 (60). – С. 369-375.

Научные статьи и материалы конференций

24. Сарахонзода, М.С. «Гулистан» Саади как объект европейского восприятия: основные темы, мотивы и жанровые особенности, привлекавшие внимание европейских читателей // Современные исследования. Прикладной аспект. Материалы международной научно-

практической конференции. – Москва: Научно-образовательный портал «ГЕНЕЗИС», 2025.
– С. 12-20

25. Сарахонзода, М.С. Роль переводов в знакомстве европейцев с персидской литературой (Обзор ранних переводов «Гулистана» Саади) // XIII Международная научно-практическая конференция «НАУКА и ТЕХНОЛОГИИ» – Алматы, 2025. – С. 24-30